This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES

СЕРГѢЙ РАФАЛОВИЧЪ.

ВЕСЕННІЕ КЛЮЧИ

СТИХОТВОРЕНІЯ

NOTE TO THE [illegible]

The paper in this volume [illegible]
inner margins are [illegible]

We have bound [illegible]
utilizing the [illegible]

PLEASE HANDLE [illegible]

GENERAL BOOK [illegible]

Kafavich, S. L.

СЕРГѢЙ РАФАЛОВИЧЪ.

ВЕСЕННІЕ КЛЮЧИ

СТИХОТВОРЕНІЯ

NOTE TO THE READER

The paper in this volume is brittle or the inner margins are extremely narrow.

We have bound or rebound the volume utilizing the best means possible.

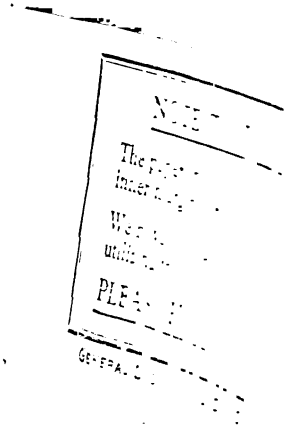
PLEASE HANDLE WITH CARE

GENERAL BOOKBINDING CO., CHESTERLAND, OHI

СЕРГѢЙ РАФАЛОВИЧЪ.

ВЕСЕННІЕ КЛЮЧИ

СТИХОТВОРЕНІЯ



ТЕРБУРГЪ
ЩЕСТВА М. О. ВОЛЬФЪ
стр., 16 лин., д. 5—7.
1901

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ 11 іюня 1901 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	стр.
Посвященіе.	
Credo	1
Я люблю, чтобъ меня понимали	3
Пиръ доспѣховъ	4
Мертвый папа	10
Три вѣры	15
Сѣверное преданіе	21
Послѣднее кокетство	33
Мертвый городъ	36
Отцвѣтшее	37
Отчего	39
Зимняя картинка	40
Отжившее	41
Шесть ронделей.	
Вихрь	45
Русалка	46
Ночь	47
Дождь	48
Былыя рѣчи	49
Грезы	50
Недовѣріе	51
Отблески	55
Книга бытія	57
Почему я люблю	59
Невѣдомое	61

стр.

Пьеро 62
Полдень 66
Если трудится намъ нужно, такъ что-же? 67
Два вѣка 68
Сумерки 70
Нева 72
Не случайно 74
На новый годъ 75
Вѣчная ложь 77
Сонъ 79
Лѣсъ 80
Люблю я полумракъ вечерняго покоя 83
Ты заснула моя дорогая 85
Гроза ужъ прошла 87
Я люблю 88
Мечты 89
Обновленіе 90
Лучшіе дни 92
Не мечтай о грядущемъ, надеждъ не лелѣй . . . 94
Ты просила меня 95
Твой стихъ точно въ грани чеканной 96
Не вѣдать ни счастья, ни горя 97
Труженникъ 98
Подъ рождество 100
Горъ прислушалась громада 102
Изъ „Jocelyn“ Ламартина 103
Зимній вечеръ 106
Изъ вѣковъ въ вѣка 107

Изъ Конне.

Двѣ могилы 110
Ласточка будды 113

стр.

Изъ Евангелія 116
Іоанна Д'аркъ 119

Изъ Ришпена.

Первая разлука 125
Изъ Caresses Ришпена 127
Сердце матери 129
Греческій сонетъ 130
Римскій сонетъ 131
Средневѣковый сонетъ 132
Сонетъ возрожденія 133
Сонетъ романтическій 134
Сонетъ современный 135

Изъ Трубадуровъ.

Бертранъ де Борнъ 139
Бертранъ де Борнъ 142
Гиро де Борнейль 145
Гиро де Борнейль 148
Альба 151
Баллада 153
Жофре Рудель 155
Не стоитъ пѣсня ничего 158

О если бы пылкія рѣчи 159

Чужое чувство.

Дѣйствующія лица 163
Актъ первый 165
Актъ второй 187
Актъ третій 209

ПОСВЯЩАЕТСЯ

памяти О. Л.

Тебѣ, которой довѣряль я,
Какъ тайну, первые стихи,
Я посвящаю эти строфы,
И пѣсни новыя мои;

Когда пишу я одиноко,
Сплетая съ чувствомъ мысль свою,
И увлекаясь вдохновеньемъ,
Горюю, радуюсь, люблю,

Мнѣ мнится: ты со мною пишешь,
Паришь незримо надо мной,
И проливаешь свѣтъ чудесный
Неуловимою волной;

Въ тебѣ была душа поэта,
Ты понимала насъ всегда,
Но только наша рѣчь земная
Твоей душѣ была чужда,

И ты молчала, укрывая
Отъ глазъ завистливой толпы
Богатство чувствъ и зоркость мысли,
И блескъ несбыточной мечты.

Мечты осталися мечтами,
Далекъ былъ чудный идеалъ;
Угасло солнце, гробъ раскрылся:
Уставшихъ онъ на отдыхъ звалъ;

А ты устала; тихо, молча
Ушла ты, скрывъ отъ глазъ толпы
Всю глубину своей печали,
И скорбь обманутой мечты;

Теперь быть можетъ, въ мірѣ лучшемъ
Нашла ты счастье и покой...
Тамъ забываютъ жизнь земную
Съ ея тревогой и тоской;

Но знаю: любящей душою
Ты и теперь близка землѣ,
И по привычкѣ старой, милой
Свои стихи несу къ тебѣ.

CREDO.

Николаю Максимовичу Минскому.

Если вѣрить мечтѣ—
Всѣ пути въ красотѣ,
Тамъ гдѣ тернія есть,
Гдѣ не слышится лесть,
Гдѣ съ борьбой лишь пройти—
По пути,—безъ пути,—
Если вѣра сильна,
Если сила вѣрна,
На зарѣ,—въ темнотѣ,
Всѣ пути къ красотѣ.

И не все ли равно,
Чѣмъ увлечься дано:
Лѣсомъ, степью, волной,
Серебристой луной,
Мощью гордыхъ валовъ,
Сладкозвучіемъ словъ,
Всѣмъ, гдѣ съ нами,—безъ насъ,—
Жизни лучъ не угасъ;

Или тѣмъ, что въ тиши
Возстаетъ изъ души,
Замирая какъ тать,
И не можетъ возстать;
Что неясно, темно,
Безпокойства полно,
И влечетъ навсегда
Неизвѣстно куда,
И чего, можетъ-быть,
И въ гробу не забыть?

Вѣдь не все ли равно,
Какъ молиться дано:
Всѣ слова отъ души
Для Творца хороши...
Если вѣра сильна,
Если сила вѣрна,
На зарѣ,—въ темнотѣ,—
Всѣ пути въ красотѣ.

---

* *
*

Я люблю, чтобъ меня понимали,
Чтобъ въ душѣ отзывался мой стихъ,
Чтобы мечты мои ярче сверкали,
Уживаясь съ мечтами другихъ...

Я ловлю вкругъ себя настроенья,
Тайный смыслъ нахожу я въ вещахъ,
И беру я отъ жизни движенье,
Повѣсть страсти читаю въ сердцахъ;

И я думаю мыслью чужою,
И страдаю надъ горемъ чужимъ,
Пока мысль мнѣ не станетъ родною,
И страданье не станетъ моимъ;

И когда, наконецъ, выражаю
Я и чувства и мысли въ стихѣ,
Я ихъ въ сердцѣ своемъ подмѣчаю
И въ своемъ нахожу ихъ умѣ.

И за то, что мнѣ близки печали
И страданья людей мнѣ чужихъ,
Я-бъ хотѣлъ, чтобъ меня понимали,
Какъ стараюсь понять я другихъ.

ПИРЪ ДОСПѢХОВЪ.

Изъ Теофила Готье.

Какъ медвѣдь въ глуши берлоги
Старый Бьорнъ живетъ одинъ;
Покрываетъ пыль чертоги
И снѣга его сѣдинъ;

Бьорну чужды жизни новой
Утонченные сыны;
Онъ — наслѣдіе суровой
И отжившей старины;

И на стражѣ передъ тучей
Наступающихъ временъ,
Поднялъ онъ свой мостъ летучій
Въ тихомъ шепотѣ знаменъ;

Какъ утесъ, сдержавшій воды
Зеленѣющихъ долинъ,
Заперъ выходы и входы
Престарѣлый исполинъ,

И потомковъ отвергая,
Бродитъ въ залахъ, гдѣ стоятъ
Латы прадѣдовъ, сверкая,
Какъ людей желѣзныхъ рядъ;

Но уставъ въ своей пустынѣ, —
Чтобъ услышать гулъ бесѣдъ,
Бьорнъ останки предковъ пынѣ
Приглашаетъ на обѣдъ...

И въ бряцаніи металловъ,
Точно въ грохотѣ оковъ,
Грузно сходятъ съ пьедесталовъ
Брони мощныхъ стариковъ,

Отражаясь точно дивомъ
Въ блескѣ панцырныхъ зеркалъ.
Бьорнъ въ привѣтѣ молчаливомъ
Подымаетъ свой бокалъ.

Не сгибая сочлененій,
Въ кресла падаютъ звеня
Латы прежнихъ поколѣній
Въ красныхъ отблескахъ огня;

Подымаются забрала,
Открывая вмѣсто рта
Закаленнаго металла
Необъятныя уста;

И въ бряцаніи кольчуги,
Точно стая хищныхъ птицъ,
Нависаютъ полукруги
Сталью шитыхъ рукавицъ;

Переходитъ пиръ въ похмѣлье,
Оживаетъ старина:
Скрыто прежнее веселье
Въ кубкахъ стараго вина;

И стоитъ недвижно грохотъ
Въ спертомъ воздухѣ хоромъ:
Гулъ рѣчей и пьяный хохотъ,
Какъ грозы нависшей громъ.

Расходился рейнграфы
Пьяной буйностью полны,
И бургграфы и маркграфы
До безумія пьяны;

Руки чаши брать устали,
И, забывъ въ хмѣльномъ чаду,
Что доспѣхъ изъ древней стали
Покрываетъ пустоту,

Этотъ — шлемъ снимаетъ мѣдный
И сидитъ, склонивши станъ,
Устрашающій и блѣдный
Безголовый истуканъ;

Нарукавники срывая,
Тотъ остался безъ руки;
Третій, панцырь открывая,
Разсыпается въ куски;

Смотритъ Бьорнъ въ невольномъ страхѣ:
У четвертаго давно
На стальной его рубахѣ
Просочилося вино;

Фрицъ стучитъ желѣзной лапью
По дубовому столу,
Вспоминая, какъ за ланью
Онъ гнался, презрѣвъ стрѣлу,

Иль медвѣдицу, въ объятья
Заключивши, поражалъ;
Францъ межъ тѣмъ твердитъ проклятья
И хватаетъ свой кинжалъ;

Генрихъ мнитъ, что были вина
Не виномъ, — а моремъ слезъ:
Отъ рыданій исполина
Содрогнулся-бы утесъ;

И его утѣшить горе
Куртъ старается, шутя;
Но надъ проповѣдью вскорѣ
Засыпаетъ какъ дитя.

Громче крики пьяной ссоры,
Столъ дубовый весь измятъ,
Притупившіяся шпоры
Въ пляскѣ бѣшеной гремятъ;

Разгорается похмѣлье
Въ лязгѣ бьющихся клинковъ:
Вѣдь не каждый день веселье
Для отжившихъ стариковъ...

Бьорнъ недвижимъ въ отдаленьи
На безумный пиръ глядитъ
И въ тревожномъ изумленьи
Рѣчи странныя твердитъ...

Между тѣмъ смолкаютъ споры,
Латы падаютъ кругомъ,
И ложатся точно горы
Вдоль стола и подъ столомъ;

Спятъ, раскинувшися, дѣды;
И въ свою стальную пасть
Старшій чашею побѣды
Тщетно силится попасть...

Но пропѣлъ пѣтухъ трикратно,
Меркнутъ отблески огня:
И къ мѣстамъ своимъ обратно
Тѣни тянутся звеня;

Путь нащупавши руками,
Замираютъ въ мертвомъ снѣ;
И хмѣльными шишаками
Прислоняются къ стѣнѣ.

МЕРТВЫЙ ПАПА.

Посреди высокой залы
Ватикана полукругомъ
Засѣдаютъ кардиналы
Въ красныхъ рясахъ другъ за другомъ;

Строги пасмурныя лица,
Неподвижны, непреклонны,
Какъ утесовъ вереница,
Какъ Каррарскія колонны.

Гаснетъ пламенемъ багрянымъ
Солнце въ небесахъ лазурныхъ —
Точно отблескомъ румянымъ
Кардинальскихъ рясъ пурпурныхъ;

Собралися кардиналы
Судъ вершить непринужденный:
Посреди высокой залы
Возсѣдаетъ осужденный;

Казнь ему впередъ готова,
Судъ для вида лишь творится;
Неприступно и сурово
Смотрятъ старческія лица.

Что за странное собранье:
Подсудимый—на престолѣ
Въ бѣломъ папскомъ одѣяньѣ,
И съ крестами на подолѣ;

Онъ въ тіарѣ папскоій? Кто-же,
Кто надъ нимъ творитъ расправу?
Прекрати скорѣй, о Боже,
Неумѣстную забаву,

Вѣдь священныя одежды
Трупъ холодный покрываютъ,
Вѣдь сомкнувшіяся вѣжды
Взоръ угасшій закрываютъ;

Вѣдь безсильно руки виснутъ,
Голова клонится книзу,
И костлявый остовъ втиснутъ
Въ неподатливую ризу...

Грѣшенъ прежній папа много
Противъ церкви, противъ міра,
Противъ заповѣдей Бога
И святыхъ устоевъ клира;

Онъ убилъ родного брата,
Былъ безъ чести и безъ вѣры,
И для буйнаго разврата
Онъ не зналъ границъ и мѣры;

Безнаказанно до гроба
Жилъ онъ, какъ живутъ сатрапы;
И росла и крѣпла злоба
Кардиналовъ противъ папы;

И теперь за оскорбленья,
За обиды, за терзанья,
За злодѣйства, преступленья—
Понесетъ онъ наказанье...

Другъ за другомъ кардиналы,
Точно вырвавшись изъ плѣна,
Какъ мятежные вассалы
Передъ тономъ сюзерена,

Мечутъ громы обличеній,
Сыплютъ мощные удары,
И, грозя огнемъ мученій,
Ищутъ небывалой кары

Для умершаго злодѣя;
И обидными рѣчами
Хлещутъ, въ ярости блѣднѣя,
Призракъ папы какъ бичами...

И рѣшенье ихъ готово,
Нужно лишь печать привѣсить;
Приговоръ гласитъ сурово:
Развѣнчать, пытать, повѣсить...

Смолкли громовыя рѣчи,
Судъ свершили кардиналы;
И мерцаютъ тихо свѣчи
Въ полумракѣ древней залы;

И въ сіяньи безъ возврата
Угасающей зарницы,
Пробѣгаетъ лучъ заката
Кардиналовъ вереницы;

Разливая свѣтъ багряный,
Онъ проносится какъ птица,
И веселый, и румяный
На холодный трупъ ложится;

Папа мертвый оживаетъ,
И зловѣщій вновь, какъ прежде,
Взоръ угасшій проникаетъ
Сквозь опущенныя вѣжды;

Ищетъ онъ кругомъ защиты
Засверкавшими очами,
И черты его увиты
Темно-красными лучами;

Трепетъ страннаго испуга
Нависаетъ надъ собраньемъ;
Судьи смотрятъ другъ на друга
Съ молчаливымъ содроганьемъ.

Чья-то на полъ пала шляпа...
Замираетъ звонъ хораловъ...
И глядитъ кровавый папа
На пурпурныхъ кардиналовъ.

ТРИ ВѢРЫ.

Свершивъ далекій путь, стоялъ онъ на вершинѣ.
У ногъ его паслись густыя облака;
Повисла трепетно съ скрижалями рука,
И взглядъ его застылъ въ невѣдомой кручинѣ.

Онъ думалъ о былomъ. Избранникомъ небеснымъ,
Пророкомъ и Святымъ народъ его считалъ;
Онъ шелъ,—и міръ земной ему казался тѣснымъ;
Преградъ не вѣдалъ онъ, могучій,—и усталъ.

Училъ онъ истинѣ небесной откровенья,
Училъ любви къ Творцу и пораженью зла,

И вѣры требовалъ и ждалъ повиновенья,
И рѣчь его въ сердцахъ живой огонь
зажгла.

Но самъ не вѣдалъ онъ ни радости, ни
счастья,
Не зналъ борьбы со зломъ, былъ чуждъ
ему порокъ,
Не пронеслись надъ нимъ любви земной
ненастья;
И былъ онъ до конца великъ, но—одинокъ...

Онъ думалъ о годахъ, ушедшихъ безъ
возврата,
О томъ, что онъ отвергъ, что испытали всѣ;
И счастье и мечты, возможныя когда-то,
Вставали передъ нимъ въ заманчивой красѣ.

И на горѣ Небо́, склонивъ свои скрижали,
Гдѣ именемъ Творца начертанъ былъ за-
конъ,
Стоялъ онъ въ первый разъ сомнѣньемъ
пораженъ...
А люди на землѣ молились и дрожали...
. . . . . .

Въ пустынѣ дѣвственной, подъ небомъ голубымъ,
Отъ суеты людской скрывался Сакья-Муни;
Былыхъ вѣковъ обманъ разсѣялъ онъ какъ дымъ,
И рѣчи мудрыя твердились имъ не втуне.

Училъ онъ пламенно, что это бытіе—
Обманъ, исполненный страданья безъ исхода;
И много долгихъ лѣтъ ученіе свое
Носилъ онъ по землѣ съ заката до восхода:

Лишь въ отреченіи блаженство безъ границъ,
Лишь въ немъ одномъ цѣль жизни достижима,
И счастье въ красотѣ не гаснущихъ зарницъ
Познавшаго манитъ къ себѣ неудержимо...

Въ пустынѣ дѣвственной, подъ небомъ голубымъ,
Стоялъ онъ погруженъ въ нѣмое созерцанье:

Не видѣлъ солнца онъ, ни звѣздъ ночныхъ мерцанья,
И сталъ онъ міру чуждъ и чуждъ страстямъ земнымъ.

Но поздней осенью, безсильная, больная
Тигрица не могла дѣтенышей вскормить.
И, стонамъ матери страдающей внимая,
Мышленья долгаго утратилъ Будда нить;

Земныя мысли онъ разсѣялъ какъ туманы;
Но, мыслію земною снова отвлеченъ,
Стоялъ онъ въ первый разъ сомнѣньемъ пораженъ...
А люди вѣрили и жаждали нирваны...
. . . . . .

Средь тишины ночной бродилъ Онъ одинокъ.
Подъ сѣнію оливъ ученики уснули,
Лишь звѣзды первыя надъ чащею блеснули,
И тканью серебра заискрился потокъ.

Лишь Онъ одинъ не спалъ. Великое ученье
Забросилъ Онъ въ сердца не тлѣющимъ зерномъ;

Исполнилъ Онъ свое земное назначенье
И разсказалъ землѣ о мірѣ неземномъ.

Училъ Онъ о благомъ и милосердномъ Богѣ,
Прощающемъ людей за тяжкіе грѣхи,
Училъ любить враговъ, и нищимъ по дорогѣ
Какъ братьямъ помогать съ радушіемъ любви.

Училъ о царствѣ Онъ безоблачнаго мира,
Гдѣ скорби нѣтъ, ни слезъ мучительныхъ, ни зла,
Гдѣ праведный найдетъ невѣдомаго міра
Блаженство вѣчное за добрыя дѣла.

Онъ страждущимъ въ раю сулилъ успокоенье
И правосудіе всесильное Творца;
И въ символѣ святомъ терноваго вѣнца
Онъ вѣрѣ и любви готовилъ воплощенье.

И, голову склонивъ, молитву Онъ шепталъ.
Земля покоилась, и все кругомъ молчало;
И кто-то—только Онъ молиться пересталъ—
Предъ Нимъ грядущаго приподнялъ покрывало.

И тамъ увидѣлъ Онъ терзанья безъ числа,
И правду попранной коварствомъ или силой...
И закричать хотѣлъ: за гробомъ жизнь свѣтла;
Но непроглядный мракъ сгустился за могилой.

Средь тишины ночной стоялъ недвижимъ Онъ...
Кругомъ грядущаго готовилися всходы...
И былъ Онъ въ первый разъ сомнѣньемъ пораженъ...
А на слова любви шли дальніе народы.

СѢВЕРНОЕ ПРЕДАНІЕ.

Алисѣ Л.

Кануту подвластны земля и вода,
Канутъ пораженій не зналъ никогда;
Была ему спутницей вѣрной побѣда,
Когда усмирялъ онъ вассала-сосѣда,
Иль въ страны чужія войною ходилъ;
На сѣверъ холодный полки онъ водилъ,
Его не страшили метель или вьюга, —
Онъ бился подъ солнцемъ пылающимъ юга,
Изъ края до края всю землю прошелъ,
И равнаго мощью себѣ не нашелъ.
Теперь, утомившись отъ долгихъ походовъ,
Владыка вселенной, властитель народовъ,
Онъ въ замкѣ отцовъ отдыхаетъ отъ сѣчъ,
Повѣсивъ на стѣну свой стягъ и свой мечъ,
Дѣлившіе брани его и походы,
И сладость побѣды, и тяжесть невзгоды;
Они постарѣли, какъ онъ одряхлѣлъ:
Клинокъ притупился и стягъ пожелтѣлъ...

На дикомъ утесѣ надъ берегомъ моря,
Съ волною свирѣпой безъ отдыха споря,
Стоитъ его замокъ, суровъ, какъ гранитъ,
Который въ стѣнахъ исполинскихъ лежитъ.
Когда-то его, если вѣрить преданью,
Не люди воздвигли могучею дланью,
А тѣ великаны, съ которыми боги
Встрѣчались, блѣднѣя отъ странной тревоги,
Которымъ не разъ уступали они
Въ минувшихъ временъ позабытые дни,
Когда, какъ стихіи сильны и могучи,
Владыки земли улыбались тучѣ,
Которая ноги лизала у нихъ.
Въ высокихъ старинныхъ чертогахъ своихъ
Канутъ доживаетъ свой вѣкъ безмятежный,
Хранимый любовью заботливо-нѣжной
Двухъ гордыхъ красавицъ, его дочерей.
Съѣзжались къ нему изъ-за горъ и морей
Взглянуть на сестеръ молодые бароны,
И клали къ ногамъ ихъ сердца и короны
Сосѣди-цари; возвращались не разъ:
Но всѣмъ былъ отвѣтомъ холодный отказъ.
Другъ-на̀-друга сестры совсѣмъ не похожи:
У старшей черты и суровѣй и строже,

И волосы черны, какъ смоль, и глаза
Сверкаютъ, какъ въ небѣ вечернемъ гроза
Зарницами блещетъ. Во имя богини,
Супруги великаго бога Одина,
Отецъ ее Фриккой назвалъ; но давно
Ей прозвище было другое дано:
Луна ей свѣтила и море ласкало,
И назвали люди царевну Геймдалой.
Вторая была и свѣтла и свѣжа,
Къ ней вѣтви лѣсныя склонялись дрожа,
Предъ ней открывались цвѣты полевые,
Ручьями журчались ей рѣчи живыя,
И птички ей пѣли и камни кругомъ
Предъ ней разстилалися мягкимъ ковромъ.
Являлась она, вся въ лучахъ, точно фея,
И имя свое ниспослала ей Фрея,
Супруга Бальдура, богиня любви.
Но пламя страстей запылало въ крови
Обѣихъ сестеръ, когда къ нимъ привели
Сосѣда Канутова, принца Вали...
Красивый какъ витязь старинныхъ преданій,
Вернувшійся только изъ долгихъ скитаній,
Предъ оимъ, точно царскихъ герольдовъ
труба,

О подвигахъ ратныхъ гремѣла молва;
Наслѣдникъ великой и мощной державы
Явился онъ къ нимъ въ обаяніи славы.
Невѣсту-супругу искалъ себѣ онъ, —
И Фрею увидѣлъ. И будущій тронъ,
И сердце, и руку — въ внезапномъ смущеньи
Онъ ей предложилъ, преклонивши колѣни.

Канутъ разсылаетъ повсюду гонцовъ,
И всѣхъ приглашаетъ изъ разныхъ концевъ
Земли собираться на пиръ обручальный.
Всѣ веселы въ замкѣ. Но, обликъ печальный
Скрывая тоскливо, по комнатамъ ходитъ
Иль въ темномъ лѣсу одинокая бродитъ
Тропой, гдѣ людская нога не ступала, —
Съ сверкающимъ взоромъ царевна Геймдала.
Изъ всѣхъ королей и вассаловъ земли
Она полюбила красавца Вали;
И сердце, пылая невѣдомой страстью,
Стремится навстрѣчу желанному счастью,
Пылаетъ и жжетъ нестерпимымъ огнемъ;
И черныя мысли и ночью и днемъ,
Вливая ей въ душу злой ядъ искушенья,
Какъ вороны вьются надъ полемъ сраженья;

И, ревностью дикой палима, она
Выходитъ къ опушкѣ, гдѣ свѣтитъ луна
Спокойно и тихо изъ сумрачной дали,
Какъ-будто жалѣетъ людскія печали,
И вихри, и бури душевныхъ страстей,
Лаская сердца, какъ уснувшихъ дѣтей
Ласкаетъ мерцаніемъ тихимъ лампада.
И муки любви и терзанія ада
Геймдала не въ силахъ скрывать, — въ тишинѣ
Ночной довѣряетъ спокойной лунѣ;
Неясныя тѣни витаютъ надъ нею,
И смотритъ луна, незамѣтно блѣднѣя,
Загадочно строго, какъ-будто прочла,
Ту думу, которой забыть не могла
Царевна, но въ сердцѣ своемъ затаила.
И, очи склонивъ передъ блескомъ свѣтила,
Геймдала, въ смущеніи слышитъ опять
Тѣ рѣчи, которыхъ не хочетъ понять;
И въ замокъ идетъ, изнывая тоской,
На выступъ скалы надъ пучиной морской.
У ногъ ея плещется мощное море,
И ходятъ валы въ необъятномъ просторѣ,
Изъ дальнихъ краевъ пробѣжавъ по ковру

Глубокихъ пучинъ, чтобъ затѣмъ о скалу
Разбиться, исчезнуть и лечь пеленою,
Ковромъ, гдѣ промчатся волна за волною.
Геймдалѣ понятны волненья морей;
И воды полны прихотливыхъ рѣчей,
И образовъ странныхъ и чуждыхъ землѣ
Для юной царевны на черной скалѣ.
Какъ сердце, и море не знаетъ покоя,
И волны, какъ мысли, его безпокоя,
Позывомъ къ страстямъ иль страстями
полны,
Измучены бурей, бѣгутъ тишины, —
Пока, разъярившись въ борьбѣ безысход-
ной,
Коварною лаской иль мощью свободной,
Чтобъ вырвать и бросить тяжелый недугъ,
На жертву-врага не обрушатся вдругъ.

И море, понявши мученье Геймдалы,
Такъ странно волнуяся плещетъ о скалы;
И бурныя волны, предъ ней присмирѣвъ,
Журчатъ ей какой-то нездѣшній напѣвъ,
Журчатъ ей такъ тихо, спокойно и нѣжно;
Потомъ, разгораяся страстью мятежной,

Волнуемъ неясной и долгой борьбой,
О камень холодный свирѣпый прибой
Бросаетъ пучины въ порывахъ могучихъ;
Луна, испугавшись, скрывается въ тучахъ;
Ложится кругомъ непроглядная мгла;
Вздымается вѣтеръ; трепещетъ скала...
Того, что въ ту ночь ей валы нашептали
Никто не узналъ отъ царевны Геймдалы.

Нѣтъ мѣста въ палатахъ Канута гостямъ.
Чрезъ горы и степи, по разнымъ путямъ
Съѣзжались они, кто одинъ, кто со свитой,
И мощный баронъ и король знаменитый,
И добрый сосѣдъ, и строптивый вассалъ,
Съ которымъ упорно Канутъ воевалъ.
Сегодня послѣдніе прибыли гости.
Одни — на охотѣ, другіе-же въ кости
Играютъ за шумною чарой вина.
И сладостнымъ трепетомъ Фрея полна.
На завтра ее ожидаетъ вѣнчанье;
И тянутся долго часы ожиданья.

Собралися подъ-вечеръ гости къ столу.
А сестры идутъ между тѣмъ на скалу.

Взглянуть захотѣлося Фреѣ на море,
Проститься съ утесомъ, гдѣ въ вѣчномъ раздорѣ
На камень могучій стремится волна.
За черными тучами скрылась луна;
Вздымаются воды, покрытыя пѣной,
Какъ снѣгомъ одѣтыя горы. Вселенной
Въ сознаніи мощи побѣдной своей
Концомъ угрожаетъ пучина морей.
И за-руку Фрея схвативши Геймдалу,
Назадъ ее тянетъ въ высокую залу,
Гдѣ яркій огонь, освѣщая гостей,
Играетъ, колеблясь въ узорахъ тѣней;
Тамъ вмѣстѣ съ другими женихъ дорогой,
И Фрея сестру увлекаетъ съ собой.
Но та ее держитъ и шепчетъ ей страстно:
„Смотри, какъ могучее море прекрасно;
Ему незнакомы преграды; оно
Стремленій и силъ необъятныхъ полно;
Его не удержатъ ничьи увѣщанья,
Ни тихія просьбы, ни громъ порицанья,
Ни слезы чужого далекаго горя...
И я научилась могуществу моря.
Ты знаешь: въ пучинахъ морскихъ не одна

Царевна въ объятьяхъ послѣдняго сна
Покоится нынѣ на царственномъ ложѣ...
И море тебѣ приготовило тоже,
Тебѣ,—предъ которой склонился Вали,
Когда его я полюбила,—вдали
Отъ замка родного, отъ всѣхъ дорогихъ,
Холодное ложе въ пучинахъ своихъ».
И, мощной рукою сестру увлекая,
Туда, гдѣ могучая бездна морская
Свирѣпо на камни бросаетъ валы,
Геймдала низвергла ее со скалы.

. . . . . .

И дни промелькнули, недѣли прошли;
Вѣнчалась царевна Геймдала съ Вали.
На свадебномъ пирѣ гостей безъ конца.
Вдругъ вводятъ въ палаты Канута пѣвца;
Скитаяся вѣчно изъ края до края,
На звучной свирѣли повсюду играя,
Желаннымъ онъ гостемъ являлся всегда;
Была его пѣснь какъ любовь молода.
И пѣлъ онъ о браняхъ, о подвигахъ ратныхъ,
О юныхъ царевнахъ, о витязяхъ статныхъ,

О пылкихъ страстяхъ разжигающихъ кровь,
О томъ, какъ вождей побѣждала любовь.

И молвитъ пѣвецъ, поклонившись, какъ встарь:
«Я новую пѣсню принесъ, государь.
За замкомъ твоимъ, у подножья скалы,
Гдѣ бурно на берегъ несутся валы,
Я срѣзалъ для звучной свирѣли тростникъ,
Шесть дыръ просверлилъ и устами приникъ,
Чтобъ старыя пѣсни испробовать снова;
Какъ вдругъ—не видали вы чуда такого—
Самъ пѣснь затянулъ онъ; вторилъ ей утесъ;
И пѣсню я эту съ свирѣлью принесъ».

Всѣ стихи кругомъ, затаили дыханье;
И слышится лишь подъ окномъ клокотанье
Прибоя, да вѣтра свирѣпаго ревъ,
Да тихой свирѣли звенящій напѣвъ.
Поетъ предъ гостями Канута тростникъ
О томъ, что волны повелитель—великъ,
Что много на днѣ необъятныхъ морей

На вѣкъ схоронилъ онъ земныхъ дочерей,
Что много красавицъ хранитъ онъ лелѣя,
Что всѣхъ несравненно красивѣе Фрея,
Которую ревность жестокой сестры
Низвергла въ пучину съ высокой скалы;
Съ тѣхъ поръ надъ волнами свирѣпствуетъ,
буря,
И сходитъ къ уснувшей супруга Бальдура,
Богиня любви, сторожитъ ея сонъ.—
И слышенъ изъ моря сосѣдняго стонъ:
«Царевна Геймдала Вали полюбила,
Царевна Геймдала меня погубила».
И въ трепетѣ странномъ всѣ гости мол-
чатъ;
Лишь отзвуки пѣсни замершей звучатъ;
И, грозно поднявшись, съ сверкающимъ
взоромъ
Канутъ говоритъ: „Пусть навѣки позоромъ
Коварный поступокъ лежитъ на тебѣ;
И, вѣчно терзаясь въ свирѣпой борьбѣ,
Пусть сердце твое обливается кровью,
За то, что, прельстившись чужою любовью,
Ты добыла низкой измѣной ее.
Неси же отнынѣ проклятье мое».—

И только замолкло послѣднее слово,
Какъ смерть—безпощадно, какъ море—
сурово,
Раскрылися окна, погасли огни,
И хлынули бурнаго моря струи
Въ хоромы. И тамъ загремѣли на мигъ
Бряцанье оружья, и топотъ, и крикъ...
Потомъ только волны свирѣпо ревѣли
Да слышились гдѣ-то напѣвы свирѣли...
Съ тѣхъ поръ каждый годъ въ эту самую
ночь
Канутъ проклинаетъ преступную дочь,
И будетъ проклятье гремѣть, не старѣя,
Пока не проснется красавица Фрея.

ПОСЛѢДНЕЕ КОКЕТСТВО.

Предъ иконами лампады,
Колыхаяся лѣниво,
Храма древняго громады
Освѣщаютъ молчаливо.

И истерзанные лики,
Не мѣняя выраженья,
Устремляютъ строго блики
На холодные каменья.

Безконечными рядами
Тутъ столѣтья пролетѣли:
Краски яркія съ годами
Все тускнѣли и тускнѣли;

Въ тихомъ сумракѣ печали
На чертахъ сложились складки:
Незамѣтно отзвучали
Неразгаданной загадки

И терзаніе и горе;
Мелко сдвинулись морщины,
И остался во взорѣ
Непонятныя кручины.

Вѣетъ скорбью вѣковою
Надъ холодными плитами,
Надъ засохшею травою,
Надъ увядшими цвѣтами,

Все, что будетъ, ужъ не ново,
И, презрѣвъ мечты пустыя,
Смотрятъ строго и сурово
Блѣднолицые святые...

Но сквозь окна,—что за диво?
Пробираясь украдкой,
Лучъ веселый шаловливо
Исчезаетъ за лампадкой,

И окрашенный въ оттѣнки
Разноцвѣтныхъ стеколъ, нынѣ
Переходитъ на простѣнки,
Удивляясь ихъ пустынѣ,

Онъ творитъ себѣ поклоны,
Покачавъ паникадила,
И ложится на иконы
Какъ румяна и бѣлила;

У того онъ краситъ губы,
У другого лобъ высокій,
Подбородокъ, или зубы,
Или кудри, или щеки;

Съ тихой лаской поцѣлуя
Онъ проносится какъ птица...
И святые, негодуя,
Хмурятъ крашенныя лица;

А святыя—въ оживленьи,
Покрывающемъ ланита,
Незамѣтно отраженій
Ищутъ въ зеркалѣ гранита.

МЕРТВЫЙ ГОРОДЪ.

Узкія улицы, низкія окна,
Плоскія крыши на сѣрыхъ стѣнахъ;
Между камней вѣковыя волокна;
Блѣдныя краски въ отцвѣтшихъ тонахъ.

Неба угрюмаго мрачные своды,
Тучъ нависающихъ черный клобукъ;
Въ темныхъ каналахъ заснувшія воды;
Жизни отжившей смолкающій звукъ.

Къ папертямъ древнимъ кривыя ступени;
Въ ранахъ разсѣлинъ желтѣющій мохъ.
Трепетной просьбы иль жалобной пени
Къ лику святыхъ возносящійся вздохъ.

Плачь погребальный въ журчаньи
фонтана;
Сонный полетъ умирающихъ мухъ...
И — надо всѣмъ — покрывало тумана,
Какъ кружевная косынка старухъ.

ОТЦВѢТШЕЕ.

М. В.

Обо всемъ, что отцвѣтаетъ,
Обо всемъ, что отцвѣло,
Сердце скорбное рыдаетъ,
Въ сердцѣ горе залегло.
Обо всемъ, что отцвѣтало,
Обо всемъ, что отцвѣло,
Сердце радостно мечтало...
Все сбылося—все прошло.

Надъ глубокою могилой,
Необъятной какъ моря,
Каждый день въ красѣ унылой
Занимается заря;
Отъ восхода до заката
Незамѣтной чередой,
Мигъ за мигомъ, безъ возврата
День сгораетъ молодой;

Мигъ за мигомъ, безъ возврата
Опадаютъ какъ цвѣты
Вдаль манившія когда-то
Сердцу близкія мечты;
Въ дымкѣ трепетной тумана
Грезы рѣяли вдали,
Все сдержали безъ обмана,
Распустились—отцвѣли...

Но минута упоеній
Не искупитъ вѣчныхъ мукъ,
Безутѣшныхъ сожалѣній,
Нескончаемыхъ разлукъ.
Пусть въ грядущемъ мысль витаетъ,
Пусть отъ новыхъ зорь свѣтло...
Сердце скорбное рыдаетъ
Обо всемъ, что отцвѣтаетъ,
Обо всемъ, что отцвѣло.

ОТЧЕГО?

Любовь прошла; мечты и грезы
Остались въ прошломъ навсегда;—
Какъ лепестки увядшей розы
Онѣ исчезли безъ слѣда.

И другъ за другомъ поспѣвая,
Какъ волны тихія рѣки,
Ушли затѣмъ печаль живая
И мысли, полныя тоски;

И понемногу стихло горе;
И, рабства цѣпь сорвавъ съ себя,
Забилось сердце на просторѣ,
Кумиръ недавній разлюбя...

Угасла страсть—сестра терзаній...
Но отчего-жъ мнѣ иногда
Такъ жаль мученій и страданій
Любви, ушедшей навсегда?

ЗИМНЯЯ КАРТИНКА.

Угасло солнце. Мгла ложится
Покровомъ чернымъ. Серебрится
Замерзшій снѣгъ у фонарей.
Мерцаютъ звѣзды въ небѣ дальнемъ,
И въ ихъ сіяніи печальномъ
Нѣтъ теплыхъ, радостныхъ лучей.

Все тихо. Замеръ шумъ столицы;
Туманно въ выси голубой;
И тѣни странныя, какъ птицы,
Недвижно рѣютъ надъ землей.

Все спитъ. Дневные стихли звуки;
Вездѣ безстрастье и покой,
И, стонамъ внявъ тоски людской,
Ночь разгоняетъ скорбь и муки.

Въ дали безбрежной звѣзды блещутъ,
Предѣла нѣтъ ковру снѣговъ,
И какъ въ туманномъ мірѣ сновъ
Невидимыя волны плещутъ.

ОТЖИВШЕЕ.

То было вечеромъ; въ тѣни густого сада
Сверкали бѣлизной стволы березъ;
Ложилась ночь; душистая прохлада
Была полна благоуханьемъ розъ.

Сливалось все въ живыя очертанья,
И рѣяли живыя существа,
Какъ образы туманнаго мечтанья,
Какъ блѣдныхъ устъ невнятныя слова;

Напѣвамъ новымъ счастья отвѣчала,
Таинственно колеблясь, тишина;
И въ этотъ часъ на-вѣки отзвучала
Мечты былой дрожащая струна.

ШЕСТЬ РОНДЕЛЕЙ.

ВИХРЬ.

Звѣзды спрятавъ подъ полою
Набѣжавшихъ черныхъ тучъ,
Снѣжный вихрь, какъ сонъ летучъ.
Пробѣгаетъ надъ землею;

Вьется онъ съ улыбкой злою,
Точно царь лѣсной могучъ,
Звѣзды спрятавъ подъ полою
Набѣжавшихъ черныхъ тучъ.

И съ отвагой удалою
Онъ, луны хватая лучъ,
Проскользнувшій между тучъ,
Одѣваетъ землю мглою,
Звѣзды спрятавъ подъ полою.

РУСАЛКА.

Въ бѣлой дымкѣ, вся нагая
И съ косою до земли,
Надъ пучиною рѣки
Ждетъ русалка молодая;

Красотою завлекая
Улыбается вдали,
Въ бѣлой дымкѣ, вся нагая
И съ косою до земли.

Лѣшій крадется, пугая
Птицъ заснувшихъ по пути,—
Хочетъ къ берегу пройти,
Гдѣ русалка ждетъ, мелькая
Въ бѣлой дымкѣ, вся нагая.

НОЧЬ.

Ночь. Луна. Благоуханье.
Шелестъ дремлющей листвы;
Тихій шопотъ: „это вы?“
Птички спуганной порханье.

Затаенное дыханье
Пробудившейся совы.
Ночь. Луна. Благоуханье;
Шелестъ дремлющей листвы;

Непробудное молчанье
Притаившейся травы;
Наклоненной головы
Дорогое очертанье.
Ночь. Луна. Благоуханье.

ДОЖДЬ.

Дождь, какъ слезы бытія,
Вѣтра вой, какъ вопль страданья,—
Надъ тоскою мірозданья
Плачетъ вѣчный Судія.

Мглой окутана земля,
Слышны лишь среди молчанья
Дождь, какъ слезы бытія,
Вѣтра вой, какъ вопль страданья.

И кручину затая,
Заглушивъ свои рыданья
Въ тяжкомъ гнетѣ ожиданья,
Льется—за струей струя—
Дождь, какъ слезы бытія.

БЫЛЫЯ РѢЧИ.

Въ бури, въ грозы и въ метели,
Незнакомою тропой,
Съ болью горести тупой,
Тихо шествуютъ безъ цѣли,

Утомленныя борьбой,
Тѣ, что нѣкогда летѣли
Незнакомою тропой
Въ бури, въ грозы и въ метели.

Рѣчи громкія гремѣли,
Мощно шли на грозный бой
Изъ-за истины святой:—
Отзвучали, поблѣднѣли
Въ бури, въ грозы и въ метели.

ГРЕЗЫ.

Въ полночь на кладбищѣ дальнемъ
Изъ могилы возстаетъ
Призракъ блѣдный и зоветъ
Спящихъ окликомъ печальнымъ.

И подъ блескомъ звѣздъ хрустальнымъ
Сонмъ, холодный, точно ледъ,
Въ полночь на кладбищѣ дальнемъ
Изъ могилы возстаетъ.

Рой тѣней идетъ, идетъ.
Очи съ отблескомъ зеркальнымъ
Устремился впередъ:
Грезы въ шествіи прощальномъ
Въ полночь на кладбищѣ дальнемъ.

НЕДОВѢРІЕ.

Воды грустныя журчали и, внимая ихъ
печали,
Ивы скорбныя качали отцвѣтавшею листвой;
Сумракъ трепетно носился, надъ водой туманомъ вился,
Тѣнью черною ложился надъ поникшею травой;

День померкъ вдали сгорая, отцвѣтая, умирая,
И на вѣки провожая мигъ земного бытія,
Міръ умолкнувшій уныло, вспоминалъ о томъ, что было,
Что какъ листъ упавшій смыла жизни мощная струя;

Точно слышались рыданья затаеннаго страданья,
Въ скорби вѣчной увяданья пролеталъ за часомъ часъ;
Звѣзды блѣдныя сіяли, будто горе раздѣляли,
И лучи свои роняли непривѣтные на насъ.

Мы любили страстно, нѣжно, беззаботно, безмятежно,
И казалось намъ: безбрежно счастье наше впереди;
Мы клялись любить до гроба, повторяли громко оба,
Что судьбы безсильна злоба, если есть любовь въ груди...

Мы съ тобою смолкли тоже, жизнь на насъ глядѣла строже,
И вставалъ, покинувъ ложе позабытыхъ нами лѣтъ,

Призракъ сумрачный былого и съ улыб-
кой горя злого
Онъ указывалъ сурово на любовь, которой
нѣтъ.

Ты смутилась, я смутился, старый сонъ
опять приснился,
Старый образъ вновь явился предъ тобою,
предо мной;
Клятвы прежнія звучали, точно новымъ
отвѣчали,
Легкимъ облакомъ печали уносились въ
міръ иной.

Прежнихъ лѣтъ воспоминанья: сердца пыл-
каго признанья,
Холодъ мертвенный прощанья мысль вне-
запно обняла...
Ты кого, мой другъ, любила? жизнь-ли
только разлучила
Или темная могила на твоемъ пути
легла?

Помню я былое горе, слезъ невыплаканных море,
Въ безпорядочномъ раздорѣ страсти, скорби и мечты;
Лѣто тихо умирало, въ небѣ солнце догорало,
Міръ умолкшій укрывало пеленою темноты.

Полюбило сердце снова въ грезахъ счастья молодого,
Отъ былого, прожитого не осталось ничего.
Воды грустныя журчали, клятвамъ страстнымъ отвѣчали:
„Обманули, отзвучали, не обманете-ль еще?“

ОТБЛЕСКИ.

Въ часы покоя и забвенья
Изъ тѣла смертнаго уйдя,
Туда, въ надзвѣздныя селенья,
Душа уносится моя;

Внимаетъ тамъ напѣвамъ рая,
Земныя разлюбивъ мечты,
И въ сладкой нѣгѣ замирая,
Объемлетъ тайну красоты;

И постигаетъ смыслъ творенья
Въ сіяньи истины святой,
Разсѣявъ прежнія сомнѣнья,
Какъ солнца лучъ туманъ густой.

И передъ свѣтлою улыбкой
Любви духовной, всеблагой,
Ей мнится горькою ошибкой
Мятежный пылъ любви другой.

И если, мучась и тоскуя,
Чего-то въ жизни я ищу, —
И доискаться не могу я,
О чемъ таинственно грущу;

И если разныя начала
Во мнѣ ведутъ борьбу давно,
И данъ мнѣ отблескъ идеала,
Но воплощенье не дано;

То знаю я: хранится гдѣ-то
Въ душѣ видѣній райскихъ слѣдъ,
Которымъ въ людяхъ нѣтъ отвѣта
И примиренья съ жизнью нѣтъ.

КНИГА БЫТІЯ

Александру Лантингу.

Не разъ во имя идеала,
Подъ стягомъ правды и любви,
Вражда жестокая пылала,
И люди плавали въ крови;

Не разъ во имя просвѣтлѣнья
Твердились пылкія слова,
И надъ позоромъ преступленья
Вздымался призракъ торжества;

Не разъ могучія усилья
Расторгнуть рабства тяжкій гнетъ,
Цѣной постыдною насилья
Къ свободѣ двигались впередъ.—

Былъ гордъ порывъ страстей могучій,
Была возвышенна мечта
И даль сверкавшая сквозь тучи,
И лучезарна и чиста;

Но становились палачами
Ихъ воспитавшей старины,
Познанья новыми лучами
Вдругъ озаренные сыны;

Горѣли новыя зарницы...
Межъ тѣмъ безстрастный Судія
Писалъ кровавыя страницы
Въ священной книгѣ бытія.

ПОЧЕМУ Я ЛЮБЛЮ.

Почему я люблю — не умѣю сказать;
Отчего ты мнѣ ближе другихъ,
Отчего мнѣ съ тобою такъ сладко бывать,
Отчего лишь съ тобой я могу вспоминать
Объ утраченныхъ дняхъ дорогихъ, —
Я не знаю,—и знать я совсѣмъ не хочу;
Вкругъ тебя все мечтами горитъ,
И когда на тебя я недвижимъ гляжу,
Ты не думай, мой другъ дорогой, что молчу:
Рѣчи чудныя сердце твердитъ.
Я внимаю имъ тихо, гляжу на тебя:
Точно въ сказкѣ волшебной живу,
И сверкаетъ въ невѣдомомъ царствѣ заря,
И колеблются стройно и нѣжно моря,
И я пѣснь ихъ ловлю на лету.
Отчего я люблю, и какъ сильно люблю,
Я сказать не умѣю тебѣ;

Можетъ-быть, я дѣйствительно грежу и
сплю,
И въ мечтѣ золотой твои рѣчи ловлю,
И люблю я, быть-можетъ, въ мечтѣ;
И придется волшебные замки разбить,
И повѣрить той сказкѣ нельзя,
И нельзя мнѣ съ тобой про любовь говорить!
Ну, такъ что-же? Тебя и въ мечтѣ полюбить
Вѣдь блаженство, мой другъ, для меня!

НЕВѢДОМОЕ.

Какъ больное дитя сердце плачетъ въ груди,
Что-то хочетъ сказать и тревожное ждетъ,
Будто проситъ. Чего?... Если счастья — не жди:
Вѣдь оно иль само, иль совсѣмъ не придетъ.
И о чемъ ты мечтаешь? и знаешь-ли ты,
Что тебѣ суждено, и что нужно тебѣ?
Жизнь богата и блескомъ своей суеты,
И всѣмъ тѣмъ, что растетъ въ постоянной борьбѣ;
И дарами души, и дарами ума;
Красотою безсмертной природы вещей,—
Красотою того, что искусно сама
Создаетъ она силой духовной своей.
Что-же нужно тебѣ? Но сомнѣній полно
Сердце бурно въ груди продолжаетъ стучать,
И съ тревогою ждетъ... И не знаетъ само,
Ни чего оно ждетъ, ни чего ему ждать.

ПЬЕРО.

Лишь блеснетъ межъ вѣтокъ
Блѣдная луна—
Не для малыхъ дѣтокъ
Теплится она.

По опушкѣ лѣса—
Какъ это старо!—
Крадется повѣса,
Бѣленькій Пьеро.

Ждетъ онъ Коломбину
И глядитъ въ волну:
Бѣлую личину,
Бѣлую луну

Видитъ, удивляясь,
И, чему-то радъ,

Смотритъ, ухмыляясь,
На заснувшій садъ.

Ожиданье—скука;
А въ мечтахъ—пестро...
„Вѣчная разлука,—
Думаетъ Пьеро!—

Горько надоѣла;
Какъ я блѣденъ сталъ:
Можетъ-быть, отъ мѣла,
Можетъ-быть, усталъ!

Что за горе, право:
Просто не везетъ!
Ужъ такая слава
Про меня идетъ:

Векшу-Коломбину
Полюбилъ я стать:
Стала арлекину
Про любовь шептать.

А теперь вонъ эту...
Дальнюю... люблю.
Снизойдетъ къ отвѣту
На любовь мою?

Гдѣ тамъ! поглядите,
Какъ она горда!
Хоть вѣками ждите:
Не сойдетъ сюда!

А подняться въ небо,
Подойти къ лунѣ?
Развѣ, если-бъ Феба
Колесницу мнѣ...

Счастье боги прячутъ...
А рыдать, любя?
Только бабы плачутъ,
Бабы, а не я.

Нѣтъ, не надо плача:
Мнѣ къ лицу лишь смѣхъ.

Но моя задача
Озадачитъ всѣхъ:

Какъ оскалить зубы?
Щурить-ли глаза?..“—
Горько сжаты губы,
На очахъ слеза;

И съ улыбкой пьяной,
Но не отъ вина,
Бродитъ онъ поляной
Бѣлый какъ луна.

ПОЛДЕНЬ.

Воздухъ тихъ, земля уснула,
Точно зеркало вода;
Лишь мелькнетъ надъ нею птица,
И умчится безъ слѣда;

Лишь всплеснетъ, сверкнувъ на солнцѣ
Рыба, и уйдетъ на дно...
И опять истомы сладкой,
Нѣги сонной все полно;

Точно лѣсъ, земля и воды,
Точно все устало жить...
Лишь бѣжитъ, вдали скрываясь,
Неба голубого нить,

Какъ звено того, что было,
Съ тѣмъ, что будетъ впереди,
Какъ залогъ того, что долженъ
Пробужденья часъ придти.

---

* * *

Если трудиться намъ нужно, такъ что-же?
Трудъ не пугаетъ, какъ средство дойти;
Если надежда сулитъ намъ все то-же,
Все-таки съ нею свѣтло на пути.

Если намъ вѣра и тяжко дается,
Что-жъ, если жить и не вѣрить нельзя,—
Если любовь и тоской отдается:
Лучше любить, чѣмъ страдать, не любя.

Если задуматься горько,—быть-можетъ,
Мыслямъ тоскливѣй безцѣльно кружить...
Если намъ жить суждено, жизнь поможетъ...
Только, быть-можетъ, не стоитъ и жить.

ДВА ВѢКА.

Въ расцвѣтѣ пышномъ идеала,
Подъ громъ возвышенныхъ идей,
На путь широкій мысль вступала
Со старыхъ, сумрачныхъ путей;

Великихъ чувствъ вздымалось море
Въ огняхъ невиданной зари,
Сливалось все въ могучемъ хорѣ
Свободы, братства и любви;

И, позабывъ о дняхъ ненастья
Въ побѣды незабвенный часъ,
Столѣтній старецъ въ грезахъ счастья
На тронѣ царственномъ угасъ...

— Прошло сто лѣтъ. И въ ночь глухую,
Истерзанъ, немощенъ и хилъ,
Свою дорогу вѣковую
Другой старикъ во мглѣ свершилъ.

Въ борьбѣ истратились силы,
Поблекли славные вѣнцы,
Склонивъ чело сошли въ могилы
Когда-то гордые борцы;

Надежды свѣтлое мгновенье,
Мелькнувъ какъ сонъ, на вѣкъ ушло,
И темнымъ облакомъ сомнѣнье
Весь небосклонъ заволокло;

Во мракѣ безъ-пути блуждая
Средь поколебленныхъ основъ,
Отцовъ безсильныхъ мысль сѣдая
Смущала трепетныхъ сыновъ.

И такъ, дорогу вѣковую
Свершивъ безъ вѣры въ идеалъ,
На перепутьи, въ ночь глухую
Столѣтній старецъ умиралъ.

СУМЕРКИ.

Въ полумракъ сгущались тѣни
И сходилися въ углу,
Какъ неровныя ступени,
Уходящія во мглу;

И, смягчая свѣтъ въ оттѣнки
Догорающихъ лучей,
Тѣнь ложилась на простѣнки
Въ легкомъ трепетѣ свѣчей.

Отъ окна до самой двери
Колебались предъ стѣной
Полулюди, полузвѣри
Прихотливою волной;

И стеклянными глазами
Вдругъ пронизывая мглу,
Шкуры съ пышными мѣхами
Оживали на полу;

Грозно щелкали зубами
Тигры, волки и медвѣдь...
Попирая ихъ ногами
Стала ты имъ пѣсни пѣть.

Расходились въ волнахъ звуки
Точно тѣнь среди тѣней,
И невидимыя руки
Простирались за ней;

И была ты вся одѣта
Чуть замѣтной пеленой
Полу мрака, полу свѣта,
Нависавшихъ надо мной...

По стѣнамъ до самой двери
Тѣни рѣяли гурьбой;
И щетинилися звѣри
Укрощенные тобой.

НЕВА.

Въ осень темную,—весною,—
Съ тѣмъ-же видомъ торжества
Равнодушною струею
Гордо шествуетъ Нева.

Глубока она какъ море
И раскинулася въ ширь,
Точно плечи на просторѣ
Расправлявшій богатырь.

Солнце робко смотритъ въ воды,
И—нахмурится рѣка—
Голубые неба своды
Покрываютъ облака;

Мечутъ громы какъ угрозы,
Надъ землей разносятъ гнѣвъ;

И въ волнахъ бушуютъ грозы,
И стоитъ надъ ними ревъ.

Ходятъ волны—великаны:
А дворцы, стѣснившись въ рядъ,
Какъ солдаты—истуканы
Вдоль по берегу стоятъ.

НЕ СЛУЧАЙНО.

Жизнь не шутка, не случайно
Въ блескѣ пышной красоты
Расцвѣтаютъ молодые,
Вянутъ старые цвѣты.

Не случайно блекнетъ радость,
Подъ дыханьемъ непогодъ,
И манитъ надеждой новой
Въ отдаленьи—новый годъ.

Не случайно къ намъ приходятъ
Горе злое и бѣда;
Не случайно блещетъ въ небѣ
Лучезарная звѣзда.

Не случайно бьется сердце
Страстью огненной въ груди,
Не случайно ждетъ отвѣта
Впереди.

— — —

НА НОВЫЙ ГОДЪ.

Собрались всѣ. Торжественно и чудно
Угасъ прошедшій годъ съ вечернею
зарей,
И встанетъ солнце утромъ съ новымъ го-
домъ
Надъ празднично настроенной землей;

Блеснетъ оно, какъ и вчера блестѣло,
Попрежнему, въ далекой красотѣ,
И улыбнется новымъ ожиданьямъ,
Какъ старой улыбалося мечтѣ.

И будемъ снова мы въ довѣріи счастливомъ
Мечтать и жить — иначе, можетъ-быть,—
Пока насъ жизнь манитъ, пока сверкаетъ
солнце,
Пока намъ хочется все тяжкое забыть;

Забыть легко мелькнувшія видѣнья,
Забыть легко пустую суету,
Годовъ былыхъ ненужную надежду —
И даже измѣнившую мечту

Забыть легко,—когда мечта другая,
Взамѣнъ ея, сверкаетъ впереди,
Когда надеждой новой сердце бьется
И пламя вѣры вновь горитъ въ груди.

Когда мы замѣнить утраченное можемъ,
Хотя-бъ идти пришлось намъ далеко,
Хотя-бъ пришлось безъ устали трудиться
И долго ждать,—тогда забыть легко.

И намъ не даромъ будущность закрыта,
Не даромъ мы на жизнь сквозь блескъ мечты глядимъ,
Не даромъ мы не видимъ, что всечасно
Мы старыя слова на новый ладъ твердимъ...

Угасъ прошедшій годъ съ вечернею зарею;
Но солнце вновь блеснетъ въ далекой красотѣ
И улыбнется новымъ ожиданьямъ,
Какъ не одной уже обманутой мечтѣ.

ВѢЧНАЯ ЛОЖЬ.

Много мыслей въ умъ тѣснится,
Много чувствъ тѣснится въ грудь,
И, сплетаясь безконечно,
Всѣ манятъ куда-нибудь;

Всѣ манятъ туда, гдѣ счастье,
Всѣ онѣ зовутъ впередъ
Въ даль неясную, глухую,
Гдѣ невѣдомое ждетъ;

И, увлекшись мыслью яркой,
Чувство пылкое храня,
Вѣришь ты мечтѣ чудесной,
Полной страсти и огня;

И ты мнишь: мечта сбылася,
Воплощеніе нашла,
И глядущее раскрыло,
И былое унесла.

И, блестя на небѣ ясномъ
Незакатною звѣздой,
Свѣтомъ правды, свѣтомъ счастья
Разлилася надъ тобой!..

Но прошло мгновенье нѣги,
Упоенья сладкимъ сномъ,—
И дѣйствительность, какъ прежде,
Воцарилася кругомъ;

И тѣснятся снова мысли
Безпокойною толпой,—
Чтобъ несбыточною снова
Увлекать тебя мечтой.

СОНЪ.

Чудесный, заманчивый сонъ мнѣ приснился:
Я съ вами былъ гдѣ-то вдвоемъ;
И въ небѣ лазурномъ заря догорала,
И море сверкало огнемъ;

Земля утихала; не двигался воздухъ;
Замолкло журчанье воды;
Не слышался говоръ людской, и надъ нами
Не слышался шелестъ листвы.

Одна за другой зажигалися звѣзды,
Въ выси безпредѣльной блестя;
И въ красныхъ отливахъ мерцала зарница,
Слегка небосклонъ золотя;

И въ этой тиши, необъятной какъ счастье,
При блескѣ послѣднемъ зари,
Вы мнѣ обѣщали немного участья,
И даже... немного... любви...

Л Ѣ С Ъ.

Темный лѣсъ подъ луннымъ свѣтомъ
Точно въ сказкѣ оживалъ,
И съ таинственнымъ привѣтомъ
Каждый сукъ во тьмѣ кивалъ.

Появлялись въ отдаленьи
Изъ деревьевъ иль куста
Толпы странныхъ привидѣній,
Исчезавшихъ какъ мечта;

И мерещились въ призывѣ
Замиравшія слова,
И въ таинственномъ порывѣ
Колебалася листва.

Полонъ страсти бурной, жгучей,
Я тебѣ шепталъ, горя,
О любви своей могучей,
Необъятной какъ моря;

Слѣпо вѣрилъ я надеждѣ,
Свѣтлымъ образомъ мечты,
И любилъ тебя какъ прежде,
Въ дни, когда любила ты...

И, склонивъ ко мнѣ на плечи
Кудри русыя свои,
Молча слушала ты рѣчи...
Опостылѣвшей любви;

И подъ шепотъ тихой ласки
Ты дремала, и мечты
Заволакивали глазки
Волшебствами красоты;

Въ нѣдрахъ непроглядной сѣни,
Гдѣ ложился блѣдный свѣтъ,

Отъ какой-то милой тѣни
Для тебя звучалъ привѣтъ...

Были наши чувства жалки;
Сновидѣнья—не мечты...
И смѣялися русалки
Подъ покровомъ темноты;

И съ насмѣшкою въ дремотѣ
Сонный филинъ пролеталъ;
И съ лягушками въ болотѣ
Лѣшій гулко хохоталъ.

———

Люблю я полумракъ вечерняго покоя,
Когда вдали смолкаетъ жизни шумъ,
И дивной нѣгою ласкаетъ умъ и сердце
Рой непонятныхъ думъ.

Горитъ закатъ послѣдними лучами,
Блѣднѣетъ понемногу сводъ небесъ,
И чуденъ міръ покоющійся тихо,
Какъ-будто міръ чудесъ.

Ласкаютъ сердце чудныя мечтанья,
Манятъ и нѣжатъ золотые сны,
И сердце вѣритъ въ свѣтлыя видѣнья
Своей восторженной мечты.

Какъ этотъ часъ полна ты дивной тайны,
Какъ онъ, отзывчива душою и чутка,

И пробуждаешь ты, какъ онъ, любовь и нѣгу,
И остаешься въ сердцѣ навсегда.

И какъ предвѣстникъ будущей зарницы,
И какъ слѣды на небѣ скрывшагося дня,
Горятъ въ глазахъ лучи душевной силы,
И виденъ слѣдъ въ тебѣ сердечнаго огня.

Ты заснула, моя дорогая,
Спи спокойно, куда-же спѣшить?
Ночь промчится, наступитъ другая:
Будутъ звѣзды тебя сторожить.

Ты устала отъ трудной дороги:
Спи спокойно, въ гробу отдохни,
Тамъ забудутся злыя тревоги,
Не вспомянутся черные дни.

Предъ тобой распускалися розы,
Занималась на небѣ заря,
И манили чудесныя грезы,
И ласкали подъ пѣснь соловья...

Ты-жъ укрылась во мракѣ могилы,
Удалилась туда на покой,
Не вернешься къ намъ,—въ сердцѣ
нѣтъ силы,
Дорогая, проститься съ тобой.

Расцвѣтутъ надъ могилою розы,
И займется на небѣ заря,
Засверкаетъ роса, точно слезы,
И польется вновь пѣснь соловья...

Спи спокойно, моя дорогая;
Мы простились безъ словъ, навсегда...
Ночь промчится, наступитъ другая,—
Не увидѣться намъ никогда.

Сердцу больно отъ мысли жестокой;
Все темно, точно будетъ гроза;
И скользитъ по щекѣ одиноко
Затаеннаго горя слеза.

ГРОЗА УЖЬ ПРОШЛА

Гроза ужь прошла. И кругомъ все
Спокойно и солнце блеститъ;
По синему чистому небу
Отсталая туча летитъ.
Летитъ одинокая тучка...
Не стоитъ о ней говорить!?
Одной черной тучи довольно,
Чтобъ солнце отъ глазъ нашихъ скрыть

На сердцѣ гроза улеглася;
Манятъ его снова мечты, —
И только глубоко въ немъ скрыты
Минувшихъ страданій слѣды.
Былое далеко, забыто...
Въ грядущемъ лишь солнцу сіять...
Одной черной думы довольно,
Чтобъ ожило горе опять!

Я ЛЮБЛЮ.

Я люблю сіянье солнца,
Голубую даль небесъ,
Моря вѣчное движенье,
Грезы полныя чудесъ;

Я люблю, чтобъ кровь кипѣла,
Чтобы все кругомъ цвѣло,
Насладиться жизнью свѣтлой,
Счастьемъ сказочнымъ могло;

И въ гармоніи волшебной,
Безупречной красоты,
Я люблю, чтобъ міръ казался
Воплощеніемъ мечты;

И тогда, въ избыткѣ силы
Отрѣшившись отъ всего,
Я люблю, чтобъ сердце билось,
Билось, зная для кого.

МЕЧТЫ.

Я когда-то мечталъ о любви безъ границъ,
О признаніяхъ робкихъ и нѣжныхъ,
О сіяніи тихомъ далекихъ зарницъ
Въ царствѣ радостномъ сновъ безмятежныхъ.

Рѣчи дивныя сердце шептало тогда,
Былъ весь міръ воплощеніемъ сказки,
Призракъ милый твердилъ: я люблю навсегда,
И любя расточалъ свои ласки.

А теперь? стала правдой былая мечта;
Я любимъ, я люблю... Дорогая!
Не сердися: безъ грезъ жизнь скучна и пуста,
И въ мечтахъ меня любитъ другая.

ОБНОВЛЕНІЕ.

Н. Н. Костылеву.

Извѣрившись въ могущество познанья,
И мыслію уставъ кружить шутя,
Предъ тайною великой мірозданья
Былъ человѣкъ безсиленъ какъ дитя;

Онъ, къ цѣли свѣтлой путь свой пролагая,
Вѣками шелъ, надеждами манимъ,
И вдругъ, кругомъ въ пространство убѣгая,
Стѣна глухая выросла предъ нимъ.

Съ мечтой въ груди сходили съ поля дѣды,
Ложились въ гробъ съ улыбкой торжества:—
А въ немъ угасъ послѣдній лучъ побѣды,
И мощныя забылися слова;

Онъ всѣ пути извѣдалъ предъ собою,
И съ горькою улыбкой, какъ враговъ,

Низвергъ своихъ развѣнчанныхъ борьбою
И вмѣстѣ съ нимъ приниженныхъ бо-
говъ.

Истлѣла мысль въ безсиліи сомнѣнья,
Густая мгла ложилася какъ встарь;
И въ храмѣ кинутомъ съ улыбкою пре-
зрѣнья
Ждалъ тщетно жертвы каменный алтарь.

Но, чтобы кровь живой очистить кровью,
Жизнь обновивъ померкшую на-вѣкъ,
Для человѣчества, забытаго любовью,
Легъ на алтарь какъ жертва—Человѣкъ.

ЛУЧШІЕ ДНИ.

Мнѣ снилось: предсталъ я предъ Господомъ Богомъ;
Все въ дивной сіяло кругомъ красотѣ,
И рай мнѣ открылся въ величіи строгомъ,
И Божій престолъ я узрѣлъ въ высотѣ.
Все было такъ чудно, свѣтло и прекрасно,
Что стройные звуки лилися рѣкой,
И славилъ я пѣсней Творца громогласно,
И въ сердце проникли и миръ и покой...

И годы промчались какъ вихрь надъ землею...
Но стала мрачнѣе небесъ красота,
И Божій престолъ весь окутанъ былъ мглою,
И заперты свѣтлаго рая врата;
И пѣсня моя не лилась, не гремѣла,
Но глухо и грустно звучала она;
Душа передъ чѣмъ-то дрожала, нѣмѣла,
И точно предъ бурей была тишина...

И снова прошли быстролетные годы...
Все мракомъ объято, все мертво—темно,
И сумрачно-грозны небесные своды...
Понять и увидѣть ужь намъ не дано!
Тамъ тучи сгустились черной горою,
И вѣтеръ тамъ свищетъ, и буря шумитъ...

Средь рева и гула мнѣ мнится порою
Какъ-будто знакомая пѣсня гремитъ.
И пѣсня та льется высоко, высоко...
Она говоритъ мнѣ про лучшіе дни,
Когда мы умѣли на сердцѣ глубоко
Хранить свою вѣру и пламя любви.

***

Не мечтай о грядущемъ, надеждъ не лелѣй:
Всѣ мечтанья твои, все, что ярче, свѣтлѣй
Въ той неясной дали,—куда время ведетъ,
Все обманетъ тебя, все исчезнетъ, уйдетъ.

Всѣ надежды на счастье померкнутъ въ борьбѣ,
Ты страданья въ грядущемъ готовишь себѣ;
Что прошло навсегда, что тебѣ измѣнить
Никогда не сумѣетъ, то нужно любить.

Настоящее—мигъ, а въ грядущемъ—темно;
Ты прошедшимъ однимъ лишь владѣешь: оно
Никуда не уйдетъ, не обманетъ тебя,
Не померкнетъ внезапно какъ счастья заря.

***

Ты просила меня, чтобъ сказалъ я тебѣ,
Сколько грусти-тоски у меня на душѣ?
— Если-бъ чувства свои я умѣлъ выражать,
Я-бы пѣсней своей всѣхъ заставилъ рыдать.

Ты спросила меня, не могу-ль объяснить,
Какъ тепло, горячо я умѣю любить?
— Если-бъ вылить все море на сердце мое,
И тогда не залить-бы пожара его.

---

* * *

Твой стихъ точно въ грани чеканной
Въ узорахъ цвѣтистыхъ рѣчей,
Блистаетъ изъ дали туманной
Огнемъ золотистыхъ лучей;

И въ вихрѣ волшебныхъ созвучій
Изъ сказочныхъ царствъ прилетѣвъ,
То нѣжный, то дивно-могучій,
Чаруетъ звенящій напѣвъ.

Но въ блескѣ чудесной отдѣлки,
Въ сплетеніи звуковъ и словъ,
Не видно, что мысли такъ мелки,
Какъ грани узорныхъ стиховъ.

***

Не вѣдать ни счастья, ни горя,
Забыться безъ мыслей, безъ словъ,
Парить надъ пучинами моря,
Надъ темной грядой облаковъ;

Не знать ни надеждъ, ни стремленій,
Ни ласки невѣрной любви,
Ни страсти горячихъ моленій,
Ни вѣры могучей струи;

Презрѣть неотцвѣтшія силы,
Отречься отъ славы людской,
Чтобъ только до темной могилы
Найти на мгновенье покой.

ТРУЖЕНИКЪ.

Онъ больше полвѣка цвѣтокъ за цвѣтком
Вплеталъ въ свой вѣнокъ, собирая кругомъ
Все лучшее, что онъ встрѣчалъ по дорогѣ.
Не зналъ онъ волненья, не вѣдалъ тревоги,
И былъ онъ всю жизнь отъ вопроса далекъ:
Кому и къ чему онъ готовитъ вѣнокъ.
Труду своему отдался онъ всецѣло
И весь углубился въ завѣтное дѣло.
Ему были чужды земныя мечты;
Онъ дальше цвѣтовъ не искалъ красоты;
И сердца его не коснулися страсти,
И нѣжно ему не шептали о счастьи.
Онъ жилъ день за днемъ и едва-ли позналъ,
Что можетъ людей увлекать идеалъ,
Что въ сердцѣ таятся волшебныя силы,
Что можно страдать и любить до могилы...

Онъ больше полвѣка цвѣтокъ за цвѣткомъ
Вплеталъ въ свой вѣнокъ, собирая кругомъ
Все лучшее, что онъ встрѣчалъ по дорогѣ...
Когда-жъ онъ скончался, какъ жилъ, безъ тревоги,
И въ темной могилѣ почилъ одинокъ,
На гробъ былъ возложенъ его-же вѣнокъ.

ПОДЪ РОЖДЕСТВО.

Близится праздникъ. Плетутся обозы
Дальней дорогой въ метель и морозы;
Холодно. Вѣтеръ навстрѣчу летитъ,
Снѣгъ подымаетъ, реветъ и свиститъ.
Тощія клячи въ изодранной сбруѣ,
Узкимъ проселкомъ, какъ-будто тоскуя,
Тихо идутъ; мужики подлѣ нихъ,
Или на санкахъ, въ тулупахъ своихъ
Дремлютъ, изъ елокъ устроивши ложе,
Сверху накрывшись дырявой рогожей.
Сзади и спереди снѣжная гладь;
Взглянешь: повсюду зеленая кладь
Тянется въ городъ—тропою убогой,
Узкимъ проселкомъ, широкой дорогой.
Точно волшебницы черной коса
Елокъ скосила большіе лѣса;
Точно упавшихъ взвалили на дроги:
Точно кругомъ запрудили дороги

Траурныхъ шествій ряды, какъ въ чуму.
Тянутся въ городъ обозы... Къ чему?
Срубленнымъ елкамъ навѣсятъ уборы,
Ленты въ вѣтвяхъ ихъ сплетутся въ
узоры,
Сучья согнутся подъ гнетомъ вещей,
Иглы спалятся отъ сотни огней;
Въ нихъ воплотятся волшебныя грезы
Только на мигъ... И въ метели, въ морозы
Тянутся въ городъ кругомъ — чудеса! —
Елокъ зеленыхъ густые лѣса.

***

Горъ прислушалась громада,
Точно хочетъ небу внять!
Что ихъ мощи гордой надо,
Никогда намъ не понять.

Выше тучи ихъ вершины,
Вѣтеръ къ нимъ взлетать усталъ.
Никогда земной кручины
Голосъ къ нимъ не долеталъ.

Въ мірѣ звѣздномъ нѣтъ имъ тайны,
Ходъ судебъ имъ вѣчныхъ зримъ.
Что законы не случайны,
Ужъ давно понятно имъ.

И сѣдыхъ вершинъ громада
Небу внемлетъ безъ труда...
Но того, что людямъ надо,
Не понять имъ никогда.

ИЗЪ „JOCELYN“ ЛАМАРТИНА.

Высотъ необъятныхъ, крутыхъ, властелинъ,
Орелъ, среди горныхъ парящій вершинъ,
Спросилъ разъ у солнца: „зачѣмъ такъ далеко
Лучи ты свои опускаешь туда,
Гдѣ въ мрачной лощинѣ, глубоко, глубоко,
Разсѣяны нивы, поля, города?

Зачѣмъ? тамъ все мрачно и грязно; земля
У ногъ этихъ горъ—недостойна тебя.
Свѣти намъ, о солнце, и яркой рѣкою
Ты свѣтъ благодатный для насъ только лей;
Тутъ, въ горныхъ высотахъ, вдали отъ людей,
Ты чудною можешь сверкать красотою“.

И солнце орлу отвѣчало тогда:
„Оставь свои горы и взвейся сюда“.

И, гордыя крылья свои расправляя,
Онъ сталъ подыматься туда, гдѣ въ выси
Далекой, безбрежной, блистая, сіяя,
Къ намъ солнце свои проливаетъ лучи.

Все выше летѣлъ онъ, все дальше земля,
Все ниже вершины, ровнѣе поля.
Когда-жъ долетѣлъ онъ до солнца и окомъ
На землю взглянулъ съ голубой вышины,
Всѣ горы, долины, поля и холмы
Слились; и увидѣлъ въ пространствѣ далекомъ

Орелъ подъ собою равнину одну.
И солнце, сіяя, сказало ему:
„Ты видишь теперь, что равны предомною
И горы, и степи,—деревья, кусты,
И въ морѣ глубокомъ блещу я волною,
Сверкаю лучами и въ каплѣ воды,

И кедръ я Ливанскій въ горахъ освѣ-
щаю,
И въ травкѣ забытый цвѣтокъ я
ласкаю".
— Такъ, Боже, и Ты, высоко надъ землей,
Взирая на всѣхъ одинаковымъ окомъ,
Хранишь и идущихъ блестящей стезей
И тѣхъ, кто забытъ на пути одинокомъ.

ЗИМНІЙ ВЕЧЕРЪ.

Скрипъ полозьевъ; возгласъ бранный;
Иль кнута ударъ тупой;
Съ башни звонъ томящій, странный,
Точно вздохъ тоски глухой.

Въ небѣ, въ облакѣ тумана
Непонятная печаль;
Въ сердцѣ—новаго обмана
Неразгаданная даль.

Часъ забвенья? часъ расцвѣта?
Туча безотвѣтныхъ словъ...
Звонъ прощальный... звонъ привѣта..
Тихій плачъ колоколовъ.

ИЗЪ ВѢКОВЪ ВЪ ВѢКА...

В. А. Бертрену.

Старый храмъ; чернѣютъ стѣны;
И на каменныхъ плитахъ
Каменѣетъ прахъ священный
И земной грѣховный прахъ.

Нависаютъ грустно арки;
Въ глубинѣ застыла тѣнь;
И прядутъ, скучая, Парки
День за днемъ, за днями день.

Отъ зари до поздней ночи
Тѣ-же слышатся мольбы,
Та-же скорбь туманитъ очи
Несмолкающей толпы;

Вѣчно плачутъ тѣ же нужды,
Просьбъ струится ѳиміамъ;—
И молитвы стали чужды
Безотвѣтнымъ небесамъ...

Скучно храму: древнихъ пѣсенъ
Замираютъ въ немъ слова...
Неизмѣнный вѣчно тѣсенъ
Міръ для скуки Божества.

ИЗЪ КОППЕ.

ДВѢ МОГИЛЫ.

Тимуръ, покорившій народы востока,
Чье страшное имя далеко, широко
Всѣмъ было извѣстно, царямъ и рабамъ,
Смиренно любилъ поклоняться гробамъ.
Когда его войско, взявъ городъ, терзало
И женъ и дѣтей, и мужчинъ убивало,
Изъ мертвыхъ головъ воздвигало столбы,
Гордяся исходомъ кровавой борьбы,
Тимуръ послѣ жаркаго, страшнаго боя,
Въ глубокомъ раздумьи, тиши и покоя
Искалъ на кладбищѣ, и тамъ средь могилъ
Одинъ онъ, безъ свиты, подолгу бродилъ.
И если встрѣчалъ онъ могилу вождя,
Когда-то могучаго въ мірѣ,—царя,
Обнявшаго властью своею полсвѣта,
Иль если могилу онъ видѣлъ поэта,
Онъ въ мысляхъ о смерти тамъ долго стоялъ
И голову низко надъ нею склонялъ.

Тимуръ, взявши Тусъ безъ борьбы, безъ
сраженья,
Врасплохъ захвативши его въ рамазанъ,
Солдатамъ щадить приказалъ персіанъ,
И городъ отъ ужасовъ спасъ разрушенья;
Онъ вспомнилъ о томъ, что была здѣсь
отчизна
Фердуси, что Богомъ любимый поэтъ
Провелъ здѣсь все время нерадостной
жизни,
Что здѣсь сномъ глубокимъ онъ спитъ
много лѣтъ.
И долго стоялъ онъ надъ темной могилой;
И, тайной какой-то волнуемый силой,
Съ желаньемъ онъ страстнымъ не могъ
совладать—
Пѣвца, тутъ почившаго, прахъ увидать.
И онъ приказалъ, чтобы гробъ раскопали:
Цвѣтущія розы его покрывали.
И, видя цвѣты на гробу у пѣвца,
Хотѣлъ онъ узнать: послѣ жизни конца
Что ждетъ его тутъ? И къ могилѣ глу-
бокой,
Въ которой монголовъ правитель жестокій

Почилъ Чингисханъ, онъ направилъ свой
путь:
Хотѣлъ онъ на гробъ полководца взглянуть.
Онъ сталъ на колѣни, склонился главою,
Пока разрывали могилу вождя
И подняли камень. И, къ ней подойдя,
Взглянулъ онъ на гробъ въ глубинѣ подъ
собою,—
И въ ужасѣ онъ содрогнулся: была
Могила вся до-верху кровью полна.

ЛАСТОЧКА БУДДЫ.

Окончивши трудъ, заповѣданный Богомъ,
Народамъ своимъ указавши на путь
Къ спасенію, Будда рѣшилъ отдохнуть
Отъ шума сей жизни въ смиреніи строгомъ
Въ пустынѣ. И тамъ, въ ожиданьи конца,
О Богѣ лишь мысля, отрекшись отъ свѣта,
Недвижимъ стоялъ онъ и зиму, и лѣто
И страстной душой призывалъ онъ Творца.
И весь погруженный въ одно размышленье
О вѣчномъ блаженствѣ, нирваны ища,
Стоялъ онъ; съ тѣхъ поръ его знала душа
Одно только это святое стремленье.
Кругомъ все сіяло цвѣтущей красою:
Цвѣты, окропленные свѣжей росою,
Блестѣли какъ звѣзды. Деревья шепча
Склонялись листвою; и тихо журча

Прозрачной ручей пробѣгая струею,
Скрывался въ тѣни. А вверху надъ землею
За птичкою птичка порхала, неслась,
И пѣсня за пѣсней лилась и лилась...
Но Будда безмолвный, суровый, холодный,
Отъ узъ и оковъ человѣка свободный,
Не видѣлъ, не слышалъ, не зналъ ничего:
Одна только мысль поглощала его...
И годы летѣли... И какъ-то весною
Въ его къ небесамъ вознесенной рукѣ
Свила себѣ гнѣздышко птичка; зимою
Она улетѣла къ далекой странѣ;
Но съ каждой весною, опять прилетая,
Гнѣздо она тамъ находила свое...
А Будда недвижимъ стоялъ, ожидая:
Казалось, что онъ и не зналъ про нее.
И годы прошли, и весна появилась,
И зеленью свѣжей одѣлись поля;
Но ласточка Будды къ нему не явилась:
Ее схоронила чужая земля.
И лѣто прошло, и природа уснула;
И нивы печальны, и мрачны лѣса...
Тогда только медленно Будда глаза
Склонилъ и взглянулъ на гнѣздо, и слеза

Глубокой въ нихъ грустью и болью блеснула.
И онъ, весь ушедшій въ свое созерцанье,
И чуждый страстямъ и тревогамъ земли,
Не знавшій волненій, не знавшій страданій,
Онъ плакалъ надъ птичкой, умершей вдали.

ИЗЪ ЕВАНГЕЛІЯ.

Христосъ съ ученикомъ ходилъ во время это,
Скитаясь, вдоль озеръ вблизи Генезарета.
Былъ полдень, жаръ пылалъ; предъ хижиной простой,
Въ одеждѣ траурной, подъ черною тафтой,
Сидѣла рыбака погибшаго на морѣ
Вдова, съ кручиною глубокою во взорѣ;
Она пряла и, слезы силясь удержать,
Старалась въ колыбели сына укачать.
Подъ тѣнью финиковъ прохладной и привѣтной
Христосъ съ ученикомъ смотрѣли незамѣтно.
Случайно проходилъ тамъ немощный и хилый
Старикъ изъ тѣхъ, кому ужъ близко до могилы;

Онъ несъ кувшинъ и той, которая пряла,
Сказалъ онъ: „долженъ я до ближняго села
Кувшинъ свой съ молокомъ доставить; но
годами
Измученъ я, разбитъ, и слабыми руками
До цѣли ноши мнѣ своей не донести,
Шаговъ вѣдь тысяча осталась впереди,
И платы я своей безъ помощи другого
Не получу“.—
Тогда, не говоря ни слова,
Вдова, поднявшися отъ пряжи и уйдя,
Оставила и ленъ свой и дитя
И, взявъ у старика сосудъ, пошла за
нимъ.
И Петръ сказалъ: „должны мы помогать
другимъ,
Но неразумна та, которая готова
Дитя свое и домъ свой бросить для любого
Прохожаго; вѣдь всякій встрѣчный на пути
Навѣрное помогъ бы старику дойти
До цѣли и кувшинъ понесъ бы безъ труда“.
Христосъ отвѣтилъ: „по поистинѣ, когда
Бѣднякъ бѣднѣйшаго жалѣетъ, Вседер-
житель

Радѣетъ самъ о немъ, храня его обитель;
И та, которая ушла на помощь брату,
Достойна похвалы".
И, посмотрѣвъ на хату,
На старую скамью присѣлъ онъ у крыльца.
И, покачавъ дитя, дотронувшись слегка
До пряжи женщины Божественной рукою,
Онъ всталъ и, удалясь, позвалъ Петра съ
Собою..
И возвратясь домой, вдова, которой Богъ
Въ ея отсутствіе, въ знакъ милости, помогъ,
Нашла, хранимая невѣдомой заботой,
Ребенка спящимъ предъ оконченной работой.

Рафалович.
Весенние клики.
Стихотворения
С.П.Б. 1901 г.
2 экз

РКЪ.

'Аркъ когда-то
глухомъ и не-
богатомъ
ıу съ собой;
ъ цѣлою толпой
'вѣчалъ, взды-
хая:
лучшихъ из-
бивая,
ъбота обагрилъ
копыто. Средь
могилъ
ь старики и
вдовы,
дбищѣ новы».
сполненнымъ,
тогда
ла,

«Идите, старики и дѣти»!
На воззванье
Ей робко голова отвѣтилъ: «англичане
«Забрали все у насъ: и стрѣлы и мечи,
«И не остались намъ даже и ножи».
Іоанна д'Аркъ тогда, коня не покидая,
Шептать молитву стала, къ небесамъ взывая:
Затѣмъ она спросила: «говорилъ-ли ты,
«Что надъ могилами безчисленны кресты»?
— Да, говорилъ.—«Итакъ, пойдемъ туда за мною»!
И, окруженная послушною толпою,
Къ могиламъ на конѣ подъѣхала она,
Сіяя торжествомъ и вѣрою полна.
Архангелъ Михаилъ внималъ ея моленью,
И просьбу онъ ея исполнилъ: въ то мгновенье,
Когда она съ толпой приблизилась къ крестамъ,
Скрѣпленнымъ изъ вѣтвей: опи внезапно тамъ
Мечами сдѣлались и гордо возвышались,
Сверкая и блестя на солнцѣ—и казалось,

Что всѣ умершіе накараулъ держали
И изъ гробовъ своихъ о мщеніи взывали
И павшимъ ницъ Іоанна молвила: «за мной,
«Вооружившися, послѣдуйте; родной
Отчизнѣ чрезъ меня Господь дастъ облег-
чепье
«И отъ нужды большой пошлетъ ей из-
бавленье».

ИЗЪ РИШПЕНА.

ПЕРВАЯ РАЗЛУКА.

Когда у маргаритокъ сходитъ сонъ съ очей,
И юные побѣги на концахъ вѣтвей
Дрожатъ, и кролики изъ норъ своихъ выходятъ
И раннею зарею по тимьяну бродятъ,
И птички, изъ-за моря снова прилетѣвъ,
Подъ небомъ голубымъ разносятъ свой напѣвъ,
Когда весь міръ исполненъ счастья молодого,—
Малютокъ нищихъ гонятъ изъ угла родного,
Изъ хаты, гдѣ они проспали какъ сурки
Всю зиму у огня, межъ тѣмъ какъ мать, бруски
Бросая въ камелокъ, плела свои корзины
Изъ сучьевъ ивовыхъ подъ звуки пѣсни длинной.
Плетеныя бездѣлки разнося по свѣту,
Малютки бѣдныя прокормятся все лѣто.

Отецъ недавно только умеръ и платить
За домъ свой нечѣмъ имъ: и оттого служить
Въ семьѣ чужой ихъ мать теперь готова.
Къ зимѣ они соединятся снова,
Когда гроши они сколотятъ какъ-нибудь;
До той поры,—увы!—расходится ихъ путь.
Малютки на плечахъ котомки пристегнули,
И ноги деревянной обувью обули.
Когда-жъ послѣдняго изъ нихъ въ послѣдній разъ
Мать обняла рыдая,—за руку держась,
Они уходятъ тихо-тихо по дорогѣ,
И старшій напѣваетъ что-то, чтобъ тревоги
Не выдать; и хотя глаза слезой блестятъ,
Ему рыдать нельзя: онъ—старшій изъ ребятъ;
Они въ далекій путь за нимъ шагаютъ слѣдомъ;
И, самъ еще дитя, становится онъ дѣдомъ.

ИЗЪ CARESSES РИШПЕНА.

Да, ты сильнѣе, и я буду
Въ твоихъ рукахъ, какъ листъ сухой,
Иль какъ перо, которыхъ всюду
Разноситъ вѣтеръ надъ землей.

И силой ты простой улыбки,
Иль словомъ, кинутымъ шутя,
Меня заставишь безъ ошибки
Тебѣ послѣдовать, дитя.

Твоимъ, я сознаюся, чарамъ
Мнѣ покориться довелось,
И я смиряюсь подъ ударомъ
Бича твоихъ густыхъ волосъ.

Тебя коварство научило
И усмирять и растравлять,
И ты мои умѣешь силы
Въ медовыхъ ласкахъ усыплять.

Изъ алыхъ устъ одно лишь слово:—
Вотъ гдѣ я вѣру нахожу;
Мнѣ нѣтъ Евангелья другого,
Я—рабъ. Но знаю почему;

И если голову склоняю
Предъ волей гордою твоей,
„Терпи“,—себѣ я повторяю,—
„Поэтъ вѣдь укротитель змѣй“.

СЕРДЦЕ МАТЕРИ.

Онъ ее уже давно беззавѣтно любилъ,
Но напрасно ее и просилъ и молилъ,
И сказала она: не моли, не проси,
Сердце матери ты мнѣ своей принеси,
Чтобъ могла я имъ пса своего накормить;
Обѣщаю тогда я тебя полюбить.
Онъ убилъ свою мать; онъ ей грудь растерзалъ,
Вырвалъ сердце,—и съ нимъ какъ безумный бѣжалъ;
Онъ спѣшилъ, не глядѣлъ, гдѣ идетъ, какъ идетъ;
Онъ упалъ, поскользнувшись,—и сердце впередъ
По камнямъ покатилось, въ грязи и въ водѣ,
Кровяные слѣды оставля вездѣ,—
И шептало чуть слышно съ тревогой глухой:
Не ушибся-ли ты, о мой сынъ дорогой?

ГРЕЧЕСКІЙ СОНЕТЪ

Великій Пракситель былъ первымъ изъ скульпторовъ...
Онъ, кубокъ какъ-то разъ собравшись изваять
Изъ глины дѣвственной, безъ граней, безъ узоровъ,
Не могъ достойной формы для него избрать;

Но послѣ дня труда и тягостныхъ раздоровъ,
Грудь женщины любимой сталъ онъ цѣловать
И оторвать не могъ отъ юныхъ персей взоровъ;
И кубку онъ рѣшился форму ихъ придать.

Какъ звали женщину, богиню съ смертнымъ тѣломъ,
Въ который идеалъ искомый Праксителемъ
Былъ воплощенъ тогда для мощнаго рѣзца,

Никто не вѣдаетъ. Но вѣчно неизмѣнной
Она въ созданіи художника-творца
Запечатлѣлася красою совершенной.

РИМСКІИ СОНЕТЪ.

На первомъ мѣстѣ въ циркѣ гордо возсѣдаетъ
Весталка Юлія, сверкая красотой,
И, въ мысли странныя уйдя, не замѣчаетъ
Того, что палъ въ борьбѣ самнитецъ молодой,

Что взоромъ трепетнымъ онъ на нее взираетъ,
Ждетъ милости ея съ надеждою глухой...
Пока толпа шумитъ, пока онъ умираетъ,
Ей снится о жрецѣ богини здѣсь чужой,

О томъ сирійцѣ, чьи любовные напѣвы
Въ вечернемъ сумракѣ волнуютъ сердце дѣвы
Неяснымъ отзвукомъ непознанныхъ страстей;

И, пѣснѣ чувственно-томящей внявъ случайно,
Она на казнь идти готова, лишь-бы ей
Постигнуть чрезъ него невѣдомую тайну.

СРЕДНЕВѢКОВОЙ СОНЕТЪ.

Старинным рукодѣльемъ убрана вся зала;
Графиня тамъ одна, и строгъ ея нарядъ;
Отъ остраго чепца льняное покрывало,
Волнуясь и шурша, спускается до пятъ.

Она поетъ — и пѣснь звучитъ нѣжнѣй кристалла —
О русомъ рыцарѣ, который, говорятъ,
Въ войнѣ съ невѣрными ихъ положилъ не мало;
И оба свой обѣтъ незыблемо хранятъ.

Достойный счастія вернется онъ за нею,
Сорвать невинности чистѣйшую лилею;
Но до того проїдетъ, быть-можетъ, много лѣтъ;

И если онъ падетъ среди своихъ скитаній,
До гроба сохранитъ она святой обѣтъ,
И не растаетъ снѣгъ груди въ огнѣ лобзаній.

СОНЕТЪ ВОЗРОЖДЕНІЯ.

Изященъ и красивъ, слегка заноситъ ногу,
Изъ лодки выходя, вельможа молодой,
И на плечо пажа онъ оперся рукой,
Которая не разъ для дамъ несла тревогу.

Привѣтствіе въ стихахъ педантъ, противный Богу,
Торжественно прочтетъ, скрываясь за спиной;
Хоръ музыки гремитъ средь тишины ночной
Передъ окномъ дворца, глядящимъ на дорогу.

Графиня въ комнатѣ внимаетъ пѣснямъ хора,
Межъ тѣмъ какъ мужъ-старикъ, въ предчувствіи позора,
Готовитъ волчьи ямы въ паркѣ, гдѣ темнѣй;

А около стѣны, склонившейся къ оврагу,
Чтобъ стараго убить, подкупленный злодѣй
На камнѣ для него оттачиваетъ шпагу.

СОНЕТЪ РОМАНИЧЕСКІЙ.

Когда-то не было красивѣй гордой Иды
Ни грудью пышною, ни свѣжестью лица;
Нелѣпый гонгористъ маркизъ Монрозъ всегда
Копны ея волосъ звалъ рощами Армиды.

На ней теперь легли морщины какъ обиды;
Но въ зеркало съ улыбкой смотрится она,
Хлорозу видя тамъ, гдѣ смерть уже видна;
И сердце у нея теплѣй олла-подриды.

Безумная! гроши напрасно ты копила,
Вѣдь плошки у тебя—глаза, а не свѣтила,
Не купишь ты лобзаній даже бѣдняка,

А если бурно ты захочешь жгучей ласки
И о любви былой возьметъ тебя тоска,
Ты спутника найдешь въ порывахъ смертной пляски.

СОНЕТЪ СОВРЕМЕННЫЙ.

На ней сегодня шляпка отливаетъ сталью,
И не измято платье прихотью мужской:
Она поправила умѣлою рукой
Какой-то завитокъ, случайно сбитый вуалью,

И говоритъ себѣ съ притворною печалью:
«Совсѣмъ нехорошо! и дождь вѣдь льетъ рѣкой»!
И, чтобы теплоты немного взять съ собой,
Къ огню склоняется, слегка сгибая талью.

Подъ зонтикомъ своимъ она бѣжитъ рысцою,
И у нея видны лишь башмачекъ порою
Да формы круглыя подъ складками плаща.

По лѣстницѣ крутой огромнѣйшаго зданья
До пятаго она взбѣгаетъ этажа,
И влажный поцѣлуй скрѣпляетъ ихъ свиданье.

ИЗЪ ТРУБАДУРОВЪ.

Александру Николаевичу Веселовскому.

БЕРТРАНЪ ДЕ БОРНЪ.

Сирвентезъ.

Мнѣ нравится пора весны
Дающей листья и цвѣты;
И пѣнье птичекъ я люблю,
Поющихъ въ рощѣ пѣснь свою,
Щебечущихъ подъ сѣнью.
Люблю я видѣть на лугахъ
Палатки и шатры въ рядахъ,
И близокъ къ упоенью,
Когда я вижу, какъ стоятъ
Бойцы, иль на коняхъ сидятъ.

Люблю развѣдчиковъ полки,
Что гонятъ всѣхъ долой съ пути;
Люблю я видѣть, какъ потомъ
Войска являются слѣдомъ;
Люблю въ своей отвагѣ
Осаду сильныхъ крѣпостей,

И видъ разбросанныхъ камней,
И часть стѣны въ оврагѣ,
И рвы кругомъ, и подлѣ нихъ
Заборы изъ тыновъ большихъ.

Люблю я смѣлаго вождя,
Кто первый быстраго коня
Безъ страха на враговъ ведетъ
И тѣмъ отвагу придаетъ
Своимъ всѣмъ по неволѣ;
Когда-жъ смѣшаетъ бой бойцовъ,
То всякій долженъ быть готовъ
Итти по доброй волѣ—
Вѣдь славятъ лишь того, кто тамъ
Сразилъ враговъ и раненъ самъ.

Люблю въ началѣ я борьбы
Изрубленные ужъ щиты,
Люблю тогда я видѣть, какъ
Съ врагомъ сражается тамъ врагъ,
Какъ на-авось блуждаютъ
Убитыхъ кони сѣдоковъ;
Какъ всякій рыцарь тамъ готовъ,
Лишь только въ бой вступаетъ,

Всѣмъ руки, головы рубить:
Тамъ лучше пасть, чѣмъ уступить.

И, право, мнѣ не такъ милы
Ѣда, питье пль нѣги сны,
Какъ крики грозные: впередъ!—
Что вѣтеръ съ двухъ сторонъ несетъ,
И ржанье изъ дубравы;
Люблю, чтобъ кто на помощь звалъ,
Чтобъ падали великъ и малъ
Въ траву, во рвы, въ канавы;
Чтобъ видѣлъ въ трупахъ я бойцовъ
Обломки копій и значковъ.

Бароны! заложите
Деревни, замки, города,
Чтобъ только воевать всегда!

О Папіоль! пойди—ты
По доброй волѣ къ Нѣтъ-и-Да,
Скажи: войнѣ ужъ быть пора!

БЕРТРАНЪ ДЕ БОРНЪ.

Когда-бъ всю скорбь, всѣ слезы и печали,
Кручины, горести, страданья безъ числа,
Что намъ даны въ семъ мірѣ, мы собрали,
Онѣ-бы легкими казались и тогда
Предъ смертью молодого англійскаго короля;
И честь и молодость остались въ тоскѣ,
И свѣтъ темнѣетъ горестный,—во мглѣ
Лишенный радости и полный горя.

Въ тоскѣ глубокой, въ горестной печали
Полки его остались по немъ;
Пѣвцы-жонглеры равно горевали:
Смертельнымъ смерть была для нихъ врагомъ,
Унесши молодого англійскаго короля;

Щедрѣйшіе скупыми были передъ нимъ;
Не будетъ предъ несчастіемъ такимъ
И не было еще сильнѣе горя.

О смерть холодная и полная печали!
Что лучшаго изъ всѣхъ сгубила ты,
Хвалиться можешь тѣмъ: чего-бъ ни знали
Мы цѣннаго, достойнаго хвалы,
Все, все у молодого англійскаго короля;
И было-бъ лучше, если-бъ Богъ рѣшилъ,
Чтобъ онъ, а не другой постылый жилъ,
Кто не творитъ добро, а только горе.

Изъ міра горести, унынья и печали
Любовь уходитъ,—радость не прочна;
Мы вещи тутъ безъ горя не видали,
И въ немъ всегда сегодня хуже, чѣмъ вчера.
Всякъ славитъ молодого англійскаго короля
За то, что лучшій былъ изъ доблестныхъ мужей;
Теперь—ушелъ онъ въ красотѣ своей
Оттуда, гдѣ тоска и безъ исхода горе,

Къ Тому, Кто ради скорби и печали
Нашъ міръ пришелъ спасти отъ духа
тьмы
И смерть пріялъ, чтобъ люди не страдали;
Къ Тому о милости теперь взываемъ мы:
Проститъ Онъ молодого англійскаго короля,
Коль хочетъ Онъ, коль есть прощенье намъ;
И приметъ тамъ его къ достойнѣйшимъ
мужамъ,
Гдѣ нѣтъ страданья, гдѣ не будетъ горя.

ГИРО ДЕ БОРНЕЙЛЬ.

Я скверный звучный стихъ сложу,
О чемъ, сказать я не могу,
Зачѣмъ, ни какъ, ни отчего,
Не помню, право, ничего:
Сложу, хоть я несвѣдущъ въ томъ,
Споетъ, кто съ пѣньемъ незнакомъ.

И боленъ я, хотя здоровъ,
И честными зову воровъ,
И щедръ, хоть бѣденъ я, ко всѣмъ.
И кто мнѣ другъ, враждебенъ тѣмъ.
Въ любви искусенъ, не люби;
Кто ищетъ, не найдетъ меня.

Иду къ тому, кто не зоветъ,
Прошу я тѣхъ, кто не даетъ;
Съ Жофре, чтобъ бѣдъ не знать, живу,
И дѣлаю я, что хочу:
Когда-бы лечь хотѣлъ,—встаю,
Когда-бы слезы лить,—пою.

Блуждаю я, ума лишенъ,
Хоть знаю больше, чѣмъ Катонъ;
Узду, пожалуй, я къ хвосту-бъ
Привѣсилъ, но помогъ кто глупъ:
Меня онъ разумомъ снабжалъ,
И вовсе я безумнымъ сталъ.

Полгода страстью я пылалъ
И безъ измѣны вѣчно лгалъ;
И въ гордости прощенья я
Просилъ другимъ, какъ для себя;
Я думаю, хоть не хочу,
Что избѣгаю, то ищу.

Я не хочу, чтобъ позвала
Меня подруга, чтобъ она
Простила мнѣ вину свою;
Клянусь—не скоро уступлю,
Когда придетъ со мною спать;
Но нужно въ мѣру презирать.

Я за добро всегда плачу,
И случай скоро нахожу,
Чтобъ за услугу отплатить:

И зло добромъ такъ замѣнить.
За зло людей превозношу
И хуже стать я ихъ учу.

Я пѣлъ, но не пойму про что,
Коль не поможетъ мнѣ никто;
Такъ спуталось все въ головѣ,
Что все мое ужъ чуждо мнѣ;
Теперь-же въ гордости своей
Имѣть я не хочу друзей.

Я мнилъ: искусно стихъ сложенъ,
Но безразсуднымъ былъ сочтенъ.
Она лишь можетъ исцѣлить
Меня, коль хочетъ полюбить.

ГИРО ДЕ-БОРНЕЙЛЬ.

Альба.

Пресвѣтлый царь, блескъ и сіянье дня,
Великій Богъ, прошу, услышь меня;
На друга моего склони Всевластный, очи:
Ушелъ онъ отъ меня въ началѣ ночи,
И скоро будетъ утро.

Мой другъ! ты бодрствуешь—иль спишь?
проснись!
Ужъ поздно спать, спокойно пробудись;
Звѣзду зари я вижу на востокѣ,
И хорошо ее узналъ я издалека,
И скоро будетъ утро.

Мой другъ! зову я пѣснею тебя.
Пора! проснись! ужъ слышу птичку я,

Что въ ожиданьи дня въ дубравѣ распѣ-
ваетъ.
Ревнивца злого гнѣвъ меня пугаетъ;
А скоро будетъ утро.

Другъ дорогой! къ окну ты подойди,
На видъ небесъ далекихъ погляди,
Узнаешь ты, что правду говорю я;
Вѣдь лишь тебя, мой другъ, теперь храню я;
И скоро будетъ утро.

Другъ дорогой! съ тѣхъ поръ какъ ты
ушелъ,
Не спалъ я, на колѣняхъ время все провелъ,
Святой Маріи сыну я молился:
Чтобъ другъ ко мнѣ любимый возвратился;
И скоро будетъ утро.

Другъ дорогой! ты на крыльцѣ просилъ
Меня, чтобъ ночью я не соннымъ былъ
И чтобъ до дня на стражѣ находился:
Теперь на пѣснь и на меня ты разсердился;
И скоро будетъ утро.

„Мой милый другъ! такъ чудно вкругъ меня,
Что вѣкъ я не видалъ-бы ни зари, ни дня;
Прекраснѣйшую вѣдь, что на сей міръ глядѣла,
Цѣлую я, и нѣтъ совсѣмъ мнѣ дѣла
До мужа и до утра“.

АЛЬБА.

Въ саду подъ розой дикою, въ тѣни,
Прижала дама друга ко груди,
Пока не возвѣститъ ей стражъ зари.
Увы, заря! зачѣмъ ты такъ спѣшишь?

«Ночь не кончалась-бы, о Боже, безъ Тебя,
«Не уходилъ-бы другъ мой отъ меня,
«И не видалъ-бы стражъ зари, ни дня;
«Увы, заря! зачѣмъ ты такъ спѣшишь?

«Прекрасный другъ мой! поцѣлуй меня
«Подъ пѣнье птицъ, поющихъ у ручья;
«На зло ревнивцу страсть горитъ моя.
«Увы, заря! зачѣмъ ты такъ спѣшишь?

«Прекрасный другъ! давай опять играть
«Въ саду, гдѣ начинаютъ птички щебетать,
«Пока объ утрѣ стражъ не дастъ намъ знать.
«Увы, заря! зачѣмъ ты такъ спѣшишь?

«Ласкаетъ вѣтръ и друга и меня;
«Дыханіе его, исполнена огня,
«Какъ нѣжный лучъ ловлю украдкой я.
«Увы, заря! зачѣмъ ты такъ спѣшишь»?—

Прекрасна дама та, мила, нѣжна,
Своею красотой бросается въ глаза,
И пламенной любви своей она вѣрна.
Увы, заря! зачѣмъ ты такъ спѣшишь?

БАЛЛАДА.

Когда весна пришла опять,
Чтобъ вновь веселіе начать
И чтобъ ревнивца раздражать,
Царица хочетъ показать,
Что влюблена сердечно.
Уходи-же, ревнивецъ, долой,
Дай-же намъ, дай намъ злой,
Танцовать межъ собой, межъ собой.

Она повсюду разослать
Гонцовъ велѣла, отыскать
Всѣхъ парней, дѣвушекъ, сказать,
Чтобъ всѣ явилися плясать
И тѣшиться безпечно.

Но царь ее приходитъ звать,
И хочетъ пляскѣ помѣшать,
Не можетъ съ страхомъ совладать,
Царицу чтобы кто, какъ знать,
Вдругъ не похитилъ встрѣчный.

Она-жъ не думаетъ внимать,
Не хочетъ старика и знать;
О парнѣ любо ей мечтать,
Кто такъ умѣетъ припласкать,
Кто милъ ей безконечно.

И всякъ, предъ кѣмъ пришлось плясать
Ей, плавно въ пляскѣ выступать,
Поистинѣ-бы могъ сказать,
Что равной ей не отыскать
Красою безупречной.
Уходи-же ревнивецъ, долой,
Дай-же намъ, дай намъ, злой,
Танцовать межъ собой, межъ собой!

ЖОФРЕ РУДЕЛЬ.

Когда длиннѣе дни весной,
Люблю я пѣсни птицъ далеко,
И, удалясь, ношу съ собой
Я память о любви далекой;
Живу въ печали и тоскѣ,
И пѣнье птицъ, и розы мнѣ
Зимы жестокой не милѣе.

Не будетъ счастья мнѣ въ любви,
Коль счастья нѣтъ въ любви далекой:
Вѣдь лучше той мнѣ не найти
Нигдѣ, ни близко, ни далеко;
Ее недаромъ славятъ всѣ;
И въ саррациновъ я землѣ
Радъ плѣннымъ быть, чтобъ быть лишь
съ нею.

Грустя и радуясь, уйду,
Съ любовью свидѣвшись далекой;

Когда увижу?—не могу
Сказать, вѣдь земли такъ далеко.
Тамъ долго нужно проблуждать
И часа встрѣчъ не угадать;
Все предаю я въ Божьи руки,

Какъ сладко будетъ попросить
У ней съ дороги кровъ далекой,
Быть-можетъ, тамъ-же съ нею жить
Хотя пришелъ я издалека;
Польются рѣчи безъ конца,
Когда тамъ встрѣтятся сердца,
Любовь хранившія въ разлукѣ.

Увѣренъ я понынѣ въ томъ,
Что встрѣчу я любовь далеко,
И мыслью счастливъ,—но потомъ
Грущу вдвойнѣ: она далеко.
О, если-бъ странникомъ я сталъ
Къ святымъ мѣстамъ, и взоръ упалъ
Ея на посохъ мой съ сумою!

Пусть Богъ, Кѣмъ въ мірѣ все живетъ,
Внушитель той любви далекой,

Дастъ силы мнѣ, коль часъ придетъ,
Увидѣть ту любовь далеко.
Въ укромномъ мѣстѣ съ ней тогда
И садъ, и комнатка—всегда
Дворцами будутъ предо мною.

Правъ тотъ, кто говоритъ, что я
Горю любовію далекой;
Нѣтъ радости тутъ для меня
Внѣ счастья той любви далекой.—
Но что хочу—не для меня:
Такая ужъ судьба моя:
Любить, не вѣдая отвѣта.

Но что хочу—не для меня!
Будь проклята, судьба моя:
Любить, не вѣдая отвѣта!

---

*
* *

Не стоитъ пѣсня ничего,
Коль не изъ сердца страстно льется,
И не изъ сердца пѣснь того,
Чье сердце не любовью бьется;
И пѣснь моя мнѣ удается
Лишь тѣмъ, что сердце, умъ, глаза
Полны любовію всегда.

***

О если бы пылкія рѣчи
Горячей души молодой,
О если бы страстныя пѣсни
Гремѣли любовью святой!

О если-бъ любовью и нѣгой
Въ душѣ отзывался мой стихъ,
О если бы сердце чужое
Забилось отъ пѣсенъ моихъ;

О если-бы женское сердце
Вдали, гдѣ нибудь, средь людей
Забилось отъ рѣчи горячей,
Отъ пламенной пѣсни моей!

ЧУЖОЕ ЧУВСТВО.

Изъ старыхъ тетрадей.

ЧУЖОЕ ЧУВСТВО.

Драматическая поэма въ 3-хъ дѣйствіяхъ, въ стихахъ:

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Владиміръ Петровичъ **Сытинъ** — 35 лѣтъ. Поэтъ.

Александръ **Салдовъ** — его близкій другъ. Лѣтъ 40.

Анна Сергѣевна **Салдова** — его жена. Лѣтъ 32.

Надежда Петровна **Зарина** — молодая вдова; лѣтъ 28; другъ дѣтства Анны.

Дѣйствіе—безъ времени и мѣста.

АКТЪ ПЕРВЫЙ.

(У Александра).

Сцена I.

ВЛАДИМІРЪ, АННА, АЛЕКСАНДРЪ.

(Владиміръ часто смотритъ на Анну; говоритъ, обращаясь повременамъ къ ней; подчеркивая отдѣльныя фразы).

ВЛАДИМІРЪ, *продолжая начатый споръ:*

Нѣтъ! я не таковъ. Мнѣ нужна перемѣна,
Сознанье мнѣ нужно свободы своей,
Чтобъ могъ я любить, кого сердце полюбитъ,—
И если полюбитъ, не лгать предъ другой;
Чтобъ могъ разойтись, если искра потухнетъ.
Любовью минувшей себя не связавъ.
И крылья у сердца навѣкъ не обрѣзавъ
Въ мгновенье, когда улетѣть не хочу.

Александръ. А если ты будешь любимъ
неизмѣнно,
И въ сердцѣ чужомъ не остынетъ
любовь,
Когда у тебя не останется страсти,—
Себя и тогда ты свободнымъ сочтешь?
Владиміръ. Тогда, не умѣя показывать
чувства,
Котораго нѣтъ у меня на душѣ,
Себя не измучу напраснымъ при-
творствомъ
И чистой въ другомъ не унижу любви
Обманомъ всечаснымъ.
Александръ. И жертвуя счастьемъ,
И жертвуя жизнью чужой для себя,
Ты узы насильно расторгнешь и бро-
сишь
Горячее чувство, забытое чувство,
Какъ свѣжую розу на пыльномъ пути;
И будешь искать увлеченій по свѣту,
Въ погонѣ за новою, свѣтлой мечтой,
Не помня о прежнемъ, спѣша за гря-
дущимъ,
Готовый уже и его позабыть?

Владиміръ. Любовь и забвенье! — Не
счастье ли это?
Любить, беззавѣтно, безъ мѣры любить,
Въ блаженствѣ волшебномъ душой
утопая
И въ сказочномъ мірѣ чудесномъ
живя;
Любить всѣми силами, мыслями всѣми,
Однимъ только чувствомъ горѣть и
пылать,
Одной только грезѣ всецѣло отдаться,
И все остальное кругомъ позабыть;
Носить это чувство съ собою повсюду,
И счастью не вѣдать на свѣтѣ гра-
ницъ,
И вдаль голубую стремиться отважно,
Не зная преградъ на дорогѣ своей!...—
Когда-же уляжется бурное чувство,
И тихо угаснетъ послѣдній огонь,
И сердцу останутся лишь сожалѣнья
И грусть,—о! тогда хорошо позабыть!
Забыть—тоже счастье; прохладнымъ
покоемъ
Забвенье усталое сердце манитъ,

Послѣднія тучи въ душѣ разгоняетъ,
Послѣдніе вѣтра порывы смиривъ;
Какъ сонъ благодатный спускается съ неба
И нѣжной рукою морщины съ чела
Сгоняетъ, и миромъ глубокимъ всю душу
Оно наполняетъ... Забыть хорошо!—
Но это мечты! Я съ тобою не спорю.
Александръ. А я вотъ хотѣлъ бы тебя убѣдить,
Но только понять ты меня не желаешь,
А я согласиться съ тобой не могу.
Любовь и забвенье не вяжутся какъ-то;
И я не привыкъ забывать о любви,
И я не привыкъ измѣнять ей; назадъ я,
Отдавши разъ сердце, его не возьму.
Владиміръ. Таковъ видно ты; но, мой другъ, не таковъ я!
Вѣдь каждый по-своему долженъ любить:
Одинъ идеалъ свой скорѣе находитъ,
Другой-же всю жизнь свою ищетъ его;

И любитъ не тѣхъ онъ, кого онъ
встрѣчаетъ:
Онъ въ нихъ обожаетъ и любитъ
мечту,—
Мечту свою—призракъ; но, какъ только
ближе
Къ нему подойдетъ онъ, захочетъ
обнять,—
Разсѣется призракъ, развѣются гре-
зы,
А съ ними и то, что онъ счелъ за
любовь.
И это удѣлъ мой: любовь на мгно-
венье
И мигъ одинъ счастья, и жажда
забвенья.

(Пауза. Александръ медленно встаетъ, беретъ шляпу и перчатки).

Александръ. Ну, я оставляю васъ! Ан-
на, быть-можетъ,
Сумѣетъ тебя убѣдить: мы вѣнчали
Вѣдь женщинъ владыками въ цар-
ствѣ любви.

Прощайте. Я въ клубъ отправляюсь,
но счастья
Вы мнѣ не желайте: плохой это при-
знакъ,
Когда игроку пожелаютъ удачи;
Хотя мнѣ везти и не можетъ въ игрѣ,
Съ такою женою!—не правда-ль, Вла-
диміръ?!

(Уходитъ).

Сцена II.

Анна. Владиміръ.

(Анна быстро вскакиваетъ и подбѣгаетъ къ Владиміру).

Анна. Что значитъ все это? что хочешь
сказать ты?
Вѣдь все это ты для меня говорилъ?
Ты больше не любишь меня? ты не
любишь?
Ты хочешь разстаться, ты хочешь
забыть?—

Забыть это счастье, забыть эти грезы,
Забыть и любовь, и мечты,—и меня?!
Ужель это правда?

Владиміръ *(медленно и серьезно).*

Да, правда. Мнѣ трудно
Тебѣ сознаваться, но это мой долгъ;
Я долго испытывалъ чувства и мысли
Свои, и теперь убѣдился я; дальше
Обмана въ себѣ я таить не хочу.

Анна. Ты больше не любишь? Все кончено, значитъ?
Такъ быстро, внезапно; ты, можетъ-быть, вовсе
Меня никогда, никогда не любилъ!?

Владиміръ. Тебя я любилъ горячо и глубоко,
И долго тебя я любилъ, и скрывалъ
Любовь свою въ сердцѣ, и счастливъ былъ этой
Любовью... И я-бъ никогда не признался,
И тайны-бы я никому не раскрылъ...
И, можетъ-быть, жизнь всю ей былъ бы я вѣренъ...

Но ты полюбила меня... и когда...
Когда я замѣтилъ въ тебѣ это чувство...
Былъ слабъ я,—увлекся,—признался тебѣ.
Манилъ меня призракъ возможнаго счастья:
Но вмѣсто него—я нашелъ лишь обманъ;
Я думалъ, что грезы мои воплотятся,
Что я на землѣ свой найду идеалъ;—
Разсѣялся призракъ, развѣялись грезы,
И съ ними все то, что любовью считалъ!
Я больше обманывать Саши не буду,
Себя презираю за прежній обманъ;
И все-бы ему я сказалъ; я хотѣлъ-бы,
Чтобъ онъ мнѣ прощенье свое даровалъ;
Но я не скажу ничего. Наказаньемъ
Пусть будетъ молчанье теперь для меня;
Раскаянье буду влачить въ искупленье
Своей я вины; я не смѣю тревожить

Его безмятежнаго счастья, разбить
Его идеалы, мечты и надежды,
И—вмѣстѣ съ собою—унизить тебя.
Намъ надо разстаться, забыть и поправить,
Насколько мы можемъ.

Анна. А если поправить,
А если забыть ничего не хочу!
А если тебя обожаю, какъ прежде,
Какъ прежде тебя я безумно люблю;
И если тебя потерять не могу я,
И если тебя отпустить не могу!
Не я вѣдь любовь родила эту въ сердцѣ,
Не я это пламя зажгла; и не я
Сумѣю его погасить; а умѣла-бъ...
Но я не властна надъ любовью своей!
Да, правда, обманъ этотъ мнѣ тоже въ тягость,
Противенъ и мнѣ онъ; но жизнь такова,
Что нужно порой и окольной дорогой
Идти, если хочешь пробраться впередъ.

Такъ, часто въ лѣсу черезъ чащу
густую
Пробиться нельзя по дорогѣ прямой,
И нужно обходомъ по узкой тро-
пинкѣ,
Змѣей извиваясь, къ цѣли идти!..
Ты вспомни, какъ крѣпко другъ друга
любили,
Какъ сладко намъ было вдвоемъ
помечтать!
Ужели забылъ ты любви нашей нѣгу,
И страстныя рѣчи, и ласки мои?!
(Страстно).
Скажи мнѣ, что это меня ты пу-
гаешь,
Что хочешь ты только меня испытать;
Что это неправда, что ты меня лю-
бишь
И будешь любить, какъ любилъ до
сихъ поръ!

Владиміръ. Нѣтъ, это не шутка! Любви
не осталось!
Разстанемся тихо и мирно... дру-
зьями,—

Забудемъ, что было; что можемъ забыть!

Анна *(смотритъ на него и потомъ быстро обращается къ нему)*. Кого полюбилъ ты? скажи!

Владиміръ. Никого я
Теперь не люблю...

Анна. Но готовъ полюбить...
Но завтра полюбишь... Такъ вотъ что тебѣ я
Скажу,—и запомни ты слово мое:
Насильно тебя не могу я заставить
Со мной оставаться; пока ты ни съ кѣмъ
Другимъ не сойдешься,—любовь свою въ сердцѣ
И горе свое затаю глубоко;
Но если увижу, что ты кого любишь,
Иль только еще начинаешь любить,—
Сумѣю тебѣ помѣшать я; расторгну
Я новыя узы твои; не забудь,
Что ты мной любимъ и что будешь любимъ ты,
Что эта любовь мнѣ даетъ надъ тобою

Права; не забудь, что горячая ревность
На все даетъ смѣлость душѣ, что на все,
На все я готова, но только тебѣ
Другую любить не позволю, Владиміръ!..

(Уходитъ).

Сцена III.

Владиміръ одинъ.

Владиміръ. Такъ рушатся грезы. За призракомъ счастья
Въ слѣпомъ увлеченьи спѣшимъ мы впередъ
И вѣримъ надежды обманчивымъ краскамъ,
Блестящимъ вдали, куда путь нашъ ведетъ;
— А тамъ мы находимъ лишь сѣрое небо,

И рѣдкіе блѣднаго солнца слѣды...
И тотъ-же намъ видится призракъ чудесный
Въ дали освѣщенной сіяньемъ мечты.

(Медленно уходитъ. Быстро появляется Надежда; говоритъ съ лакеемъ).

Сцена IV.

НАДЕЖДА.

НАДЕЖДА. Я здѣсь подожду. Доложите скорѣе...
Какъ странно, что нѣтъ никого изъ знакомыхъ
И даже Владиміра. Что это? Каждый
Вѣдь вечеръ почти онъ проводитъ у нихъ.

(Анна входитъ).

Сцена V.

АННА. НАДЕЖДА.

АННА. А! здравствуй! Тебя не ждала я сегодня.

Садись, поболтаемъ. Но, знаешь, тебѣ
Придется меня развлекать: я сегодня
Устала, и что-то болитъ голова.

НАДЕЖДА. Мигрень?

АННА. Да, должно-быть.

НАДЕЖДА. Ложись, не стѣсняйся;
А я у тебя посижу и немного
Съ тобой поболтаю. Владиміръ Петровичъ
Сегодня тутъ не былъ?

АННА. Недавно ушелъ.

НАДЕЖДА *(невольно вырывается).*
Какая досада!

АННА *(быстро подымаетъ голову).*
А что?

НАДЕЖДА *(смущается немного).*
Да, такъ просто;
Я съ нимъ говорить и поспорить люблю;
Онъ славный такой, откровенный и странный,
Поэтъ и мечтатель, и взгляды его
Какіе-то странные тоже, иные,

Чѣмъ наши съ тобой. Иногда я за
нимъ
Насилу могу услѣдить; и меня онъ
Всегда увлекаетъ.

Анна *(пристально смотритъ на нее).*
Да, ты, въ самомъ дѣлѣ,
Не любишь ли, Надя его!?

Надежда. Я не знаю,
Сама я не знаю еще: и признаться
Себѣ я боюсь.

Анна. Говорила ты съ нимъ?
Тебѣ говорилъ онъ когда-нибудь, чув-
ства
Свои довѣряя въ невольномъ при-
знаньи
Намекомъ неяснымъ, вопросомъ пря-
мымъ?

Надежда *(послѣ колебанія).*
Ты другъ мой давнишній, тебѣ я со-
знаться
Могу откровенно. Нѣтъ, онъ до сихъ
поръ
Еще ничего не сказалъ мнѣ, но,
мнится,

Читала я что-то во взглядахъ его.

Анна. Во взглядахъ? Во взглядахъ читать не легко:
Легко ошибиться;—не льстися надеждой
Напрасной; вѣдь больно проснуться потомъ.
И знаешь ли ты, что такое Владиміръ?
Поэтъ и мечтатель, сказала ты мнѣ?
Поэтъ и мечтатель съ душой безпокойной
И съ сердцемъ, въ которомъ для вѣрности долгой
Нѣтъ мѣста, и вѣрнымъ не хочетъ онъ быть.
И самъ говоритъ онъ и самъ понимаетъ,
Что онъ неспособенъ на вѣкъ полюбить,
И хочетъ свободу свою сохранить онъ,
Чтобъ связь надоѣвшую быстро порвать

И бросить чужую любовь, когда сердце
Отвѣта уже не даетъ на нее.
Владиміръ жениться не хочетъ, не
должен:
Что-жъ хочешь ты дѣлать? чѣмъ хо-
чешь ты стать?
Одною изъ тѣхъ, кто въ растерзан-
номъ сердцѣ
Любовь безъ отвѣта должны хоро-
нить?
Я знаю одну. Ихъ любовь была
страстной,
Свѣжѣе цвѣтка на душистомъ лугу,
Нѣжнѣе журчанья волны тихой ночью,
И знойнаго солнца луча горячѣй!—
И что-же? пора для него миновала,
Угасла въ немъ искра, поблекла мечта,
Въ погонѣ за новой былую забылъ
онъ,—
Безъ слезъ сожалѣнья порвалъ и
ушелъ;
Онъ ложь ненавидитъ, притворства
не терпитъ;
Другого исхода ему не найти.

Подумай-же, Надя, о томъ, что желаешь,
И что ты въ грядущемъ готовишь себѣ.
Надежда. Да, это все правда. Все это я знаю,
Не разъ онъ мнѣ самъ говорилъ обо всемъ
И сердце свое открывалъ предомною,
Сомнѣнья свои излагалъ; я его
Вполнѣ понимаю; когда онъ разлюбитъ,
Открыто онъ въ томъ сознается всегда;
И это, мой другъ, не легко и не просто,
Не мало борьбы это стоитъ ему,
Не мало мученій. Онъ связь разрываетъ
Ударомъ могучимъ; мгновенною смертью
Спасаетъ отъ пытокъ мучительныхъ, тяжкихъ
Агоніи долгой. Не смерть вѣдь ужасна,
Ужасно и страшно одно умиранье!
Я много объ этомъ ужъ думала, много;

Онъ, видишь-ли, ищетъ, не можетъ
найти;
Не могъ до сихъ поръ онъ найти, но,
быть-можетъ,
Теперь онъ нашелъ и, испытанный
жизнью,
Быть-можетъ, съ любовію новой по-
лучитъ
И счастье, которое тщетно манило
Его до сихъ поръ изъ невѣдомыхъ
странъ.
Анна. То грезы влюбленной, напрасныя
грезы;
Не можетъ внезапно вѣдь тотъ из-
мѣниться,
Кто созданъ такимъ былъ и прожилъ
такъ жизнь.
Я тоже о немъ передумала много;
Меня, какъ тебя, занималъ онъ всегда,
Всегда привлекалъ обаяньемъ чего-то
Такого, чего у другихъ людей нѣтъ.
И думаю я, что любить онъ не можетъ,
Что въ немъ эти вспышки лишь при-
зракъ любви,

Желанье любить—не любовь; его силы
Теряются съ каждою вспышкой такой;
И то, что въ себѣ вызывалъ онъ насильно,
Чего онъ искалъ, безнадежно просилъ,
Тѣмъ рѣже испытывать будетъ онъ сердцемъ,
Чѣмъ больше истратитъ онъ жизненныхъ силъ.

НАДЕЖДА *(вдругъ осѣненная мыслью).*
Я думала,—васъ я считала друзьями,
А ты... Или, можетъ-быть, любишь и ты!?

АННА. Надежда! какъ можешь ты такъ говорить мнѣ!

НАДЕЖДА. Прости меня, Анна! нѣтъ, это во гнѣвѣ
Мгновенномъ лишь вырвалось; нѣтъ, я не вѣрю
Тому, что сказала: ты знаешь сама,
Что я горяча, необдуманна часто;
Прости меня, Анна, тебя я люблю,
Давно мы съ тобою дружны, и друзьями

Мы вѣрными будемъ съ тобою всегда.
(Цѣлуетъ ее. Маленькая пауза).
Но ты нездорова! пойди, успокойся,
Прилягъ, отдохни. *(Тише).* Не сердись
на меня!
Забудь, что сказала; прощай!
Анна. До свиданья!
(Провожаетъ ее до двери. Возвращается одна).

Сцена VI.

Анна одна.

Анна. Она его любитъ. Что буду я дѣлать?
Сказать ей открыто теперь обо всемъ?
Просить, умолять, чтобъ она отказалась
Отъ будущей страсти, отъ счастья
такого,
Котораго ждетъ она только еще
Вдали! но способна-ль она на ту
жертву?
И нужно сперва убѣдиться мнѣ въ
томъ,
Что онъ ее любитъ, что точно ко мнѣ онъ
Горячую страсть потерялъ, позабылъ,

Такъ скоро забылъ... Какъ сегодня, я
помню
Тотъ день, когда мнѣ онъ признался
въ любви.
Въ саду мы гуляли, горячее солнце
Огнемъ полнымъ жизни и страсти
насъ жгло;
Недвижимы были деревья надъ нами;
Кузнечики только трещали въ травѣ;
Мы шли не спѣша среди сонной при-
роды;
Среди тишины необъятной кругомъ,
Казалось намъ, слышались рѣчи нѣмыя,
И жизни струя разливалась вездѣ;
И въ этой тиши онъ шепталъ мнѣ
такъ страстно
Горячія рѣчи манящей любви...
Теперь все прошло; неотцвѣтшая въ
сердцѣ
Завянуть любовь молодая должна:—
Такъ вянетъ цвѣтокъ и душистый и
свѣжій,
Когда вкругъ него воцарится зима.

АКТЪ ВТОРОЙ.

(У Надежды).

Сцена I.

Александръ. Владиміръ.

Александръ. Итакъ, ты рѣшился, и правъ ты, Володя!
Всегда вѣдь тебѣ говорилъ я, что ты
Жениться бы долженъ.
Владиміръ. Совѣтъ твой я принялъ,
И нынѣ я праздновать тризну собираюсь
Надъ жизнью минувшей и волей былой.
Александръ. А помнишь еще ты свои увѣренья
И громкія рѣчи о томъ, что тебѣ
Свобода нужна, и сознанье свободы,
Возможность порхать отъ цвѣтка на цвѣтокъ.

Владиміръ. Леталъ я, какъ птички не-
бесныя воленъ,
На лѣто одно лишь гнѣздо я свивалъ,
И въ теплыя страны спѣшилъ я
укрыться
Отъ стужи и мрака печальной зимы;
Когда опадали листы на деревьяхъ,
Когда на поляхъ увядали цвѣты,
Веселый и легкій, съ душой беззаботной
Искалъ я вдали и весну и любовь;
Теперь-же? теперь въ цвѣтникѣ я
душистомъ
Прекрасный и нѣжный цвѣтокъ по-
любилъ:
Промчалося лѣто, зима наступила...
А я улетѣть отъ него не могу.
Напрасно зовутъ меня въ земли иныя
Видѣнья волшебныхъ, далекихъ кра-
сотъ;
Я въ клѣтку прошуся, въ цвѣтникъ
запереться
Хочу я къ любимому ближе цвѣтку.
Александръ. Зачѣмъ тебѣ въ клѣтку,
зачѣмъ запереться?

Какъ птички свободны и ты и она!
Летите въ края благодатные вмѣстѣ;
Нигдѣ, никуда не заказанъ вамъ путь.
Надежда тебя обожаетъ, и лучшей
Жены я тебѣ пожелать бы не могъ.
Люби ее крѣпко, Володя...
Послушай!
Тебя объ одномъ лишь хотѣлъ я спросить.
Я слышалъ случайно,—болтали тамъ въ клубѣ
И назвали какъ-то тебя,—и про связь
Какую-то тамъ говорили; Володя!
Съ тобою мы издавна были друзьями;
Я знаю, ты честенъ, обмана не терпишь,
Не женишься ты, если связанъ съ другой;
Я знаю: порвалъ ты всѣ старые счеты,—
Но только, смотри, хорошо-ли порвалъ?!
Бываетъ, намъ кажется, долгъ нашъ исполненъ,

И сдѣлано то, что мы сдѣлать должны;
Но часто случается въ жизни, Володя,
Что слѣдуетъ больше, чѣмъ долгъ
заплатить;
И въ области сердца нѣтъ мѣры, нѣтъ
вѣса;
И чувство чужое намъ нужно под-
часъ
Принять за мѣрило для собственныхъ
дѣйствій.
Ты знаешь, тебя я какъ друга люблю,
Къ Надеждѣ какъ-будто къ сестрѣ
я привязанъ,
И ваше мнѣ дорого счастье; — подумай
О томъ, что тебѣ я сказалъ. У тебя
Нигдѣ недочетовъ въ былomъ не оста-
лось?
Вполнѣ ты свободенъ, вполнѣ ты по-
рвалъ?

Владиміръ. Вполнѣ я свободенъ для
новаго счастья,
И въ сердцѣ нѣтъ мѣста для старой
любви.
Былое промчалось, былое забыто,

Любить не могу я двухъ женщинъ
за-разъ,
Двухъ пѣсенъ заразъ я пропѣть не
умѣю.

Сцена II.

Александръ. Владиміръ. Надежда.

(Надежда входитъ, Владиміръ обращается къ ней).

Теперь я пою для богини своей,
Какъ-будто въ молитвѣ склонясь го-
ловою.

Надежда. Богиня внимаетъ съ высотъ
ароматныхъ
Признанію трепетной этой любви,
И жертву твою принимаетъ, и даже,
Быть-можетъ, сойдетъ неземная къ
тебѣ.

Александръ. Цѣлуй же, богиня, ты
смертнаго нѣжно,—
А я между тѣмъ отвернуся къ окну.

Надежда. Богинь не смущаетъ присутствіе смертныхъ,
Любви не стыдятся онѣ ни предъ кѣмъ.

(Цѣлуетъ Владиміра).

Гдѣ-жъ Анна?

Александръ. Хотѣла прійти. Нездорова
Она все еще, я не знаю, что съ ней?

Надежда. Да, надо бы ей полечиться серьезно;
Боюсь я, чтобъ съ ней не случилось чего.
Порою мнѣ кажется: тяжкое горе,
Скрываетъ она.

Александръ *(быстро)*. Но какое же горе?
Я мучаюсь самъ, не рѣшаясь спросить.

Надежда. И лучше, быть-можетъ, не спрашивать вовсе.
Я думаю, къ ней я поѣду сейчасъ.

Александръ. А если она между тѣмъ соберется
Сюда?

Надежда. Не заставъ ея дома, вернусь я;
Навѣрно она подождетъ меня здѣсь.

(Уходятъ всѣ; черезъ нѣкоторое время Анна входитъ. Лакей ее вводитъ въ залъ и оставляетъ).

Сцена III.

Анна одна.

Анна. Ушли всѣ. Ну, чтожъ? подожду я Надежду.
Мнѣ видѣть ее иль Владиміра нужно;
Мнѣ нужно до свадьбы увидѣть его.
Я бракъ не могу допустить ихъ! Я знаю,
Недоброе дѣло затѣяла я:
Разрушить чужую любовь, и преградой
Для счастья чужого явиться теперь!
Нѣтъ! это нечестно, меня недостойно,
Любви недостойно моей, и мнѣ жалко,

Порою мнѣ жалко ихъ даже; я Надю
Любила нѣжнѣй, чѣмъ родную сестру;
Я счастья желала всегда ей, и счастью
Теперь помѣшать собираюсь ея;
Она его любитъ; и онъ ее любитъ;
Предъ ними грядущее чары раскрыло,
Имъ жизнь молодая блаженство су-
литъ;
Вѣдь Надя совсѣмъ предо мною не-
винна,
За что жъ ея сердце я буду терзать?
За что я ихъ счастье разрушу? за
то-ли
Что я ужь вкусила блаженства любви?
Судьба справедлива, и каждому счастья
Для жизни немного въ удѣлъ су-
ждено;
И нужно мириться съ той частью,
которой
Тебя надѣлило уже Провидѣнье.
И большаго сердцу не нужно искать;
Завидовать такъ вѣдь и низко и
гадко;
А я не желаю себя презирать

За низость... А счастьемъ своимъ поплатиться,
И въ жертву себя принести, и чужою
Быть радостью счастливъ—вѣдь тоже блаженство;
И высшее можетъ быть даже блаженство
Себя совершенно забыть для другихъ.
Пусть будутъ же радость и счастіе въ жизни
Имъ двумъ суждены; мнѣ довольно былого;
Должно быть довольно,—и жертвой своею
Обманы и ложь я свои искуплю.
И жизнью чужой... буду жить я... забывши
О жизни своей... и о томъ, что на сердцѣ
Носила любовь я... а если забыть
Не въ силахъ... а если забыть не могу я,
И жертвовать сердцемъ своимъ не умѣю,

И жить не могу я чужою любовью,
Когда такъ полно мое сердце любви,
Само такъ горитъ негасимою страстью!
Вѣдь жизнь только разъ намъ дается,
и снова
Ее пережить намъ нельзя; и отречься
Не то же ли самое, что умереть!?
Нѣтъ! я не могу отказаться; бороться
Я буду до тѣхъ поръ, пока не из-
сякнутъ
Послѣднія силы въ послѣдней борьбѣ.
Я такъ уступить не могу. Вѣдь, быть-
можетъ,
Еще суждено мнѣ все то, чего жер-
твой
Напрасной сама отъ себя отниму.
(Владиміръ входитъ).

Сцена IV.

Владиміръ. Анна.

Владиміръ. Вы здѣсь? А Надежда от-
правилась только

Провѣдать о вашемъ здоровьѣ; я думалъ,
Она ужъ вернулась сюда.
Анна. Не вернулась;
И пользуюсь случаемъ я, чтобы съ вами
Теперь еще разъ говорить.
Владиміръ. Но о чемъ?
О старомъ? не стоитъ!—о новомъ? Къ чему же?
Анна. Но съ вами мнѣ нужно теперь говорить...
(Маленькая пауза).
Стоимъ другъ передъ другомъ мы точно чужіе,
И точно враги мы готовимся къ бою,
И мѣримъ другъ друга съ холодной враждой!
Нѣтъ! я не съ холодной враждою пришла;
Холодной я быть не могу и въ размолвкѣ,
И даже врагомъ, я какъ прежде люблю.

Владиміръ. Чего вы хотите?
Анна. Я брака съ Надеждой,
Я свадьбы твоей не хочу, не хочу.
Владиміръ. За счастье былое, за страсть
и за грезы
Теперь вы хотите мнѣ зломъ отплатить?
Анна. А ты? Развѣ ты мнѣ не зломъ же
отвѣтилъ,
Безжалостно вдругъ отъ меня все
отнявъ?!
Владиміръ. Любилъ я, пока мое сердце
пылало;
Насильно любовью горѣть не могу.
Анна. Я тоже люблю, пока сердце пы-
лаетъ,
Какъ ты, не властна я надъ чув-
ствомъ своимъ.
Владиміръ. Что-жъ будемъ мы дѣлать?
Что сдѣлать могу я?
Межъ нами все кончено; что вы хо-
тите?
Какою надеждой несбыточной, шаткой
Себя вы прельщаете?
Анна. Я не прельщаюсь

Мечтами; имъ вѣрить теперь я отвыкла,
Имъ знаю я цѣну; тебя не хочу я
Отдать никому, хоть сама не владѣю
Я больше тобой.

Владиміръ. Но я съ вами не связанъ:
Я клятвой, я словомъ себя не связалъ.

Анна. Но я тебя страстью своею плѣнила,
Связала тебя я любовью своей.

Владиміръ. Нѣтъ. Былъ я свободенъ, цѣпей не носилъ я.
Ужели пустою угрозою мнѣ вы
Надѣетесь путь заступить? Я свободенъ;
Свободную руку я той отдаю,
Которую сердце избрало, которой
Оно будетъ вѣрно и пылко служить!
Я васъ не боюся.—Пока я страданья
Одни лишь въ васъ видѣлъ, болѣлъ я за васъ,
Болѣлъ, не умѣя помочь имъ, какъ путникъ,

Столкнувшій нечаянно въ пропасть
глухую
Товарища, легкимъ случайнымъ толч-
комъ:
Внизу, разбиваясь объ острыя скалы,
Несется съ стремительной мощью по-
токъ,
И нѣтъ ни тропинки, ни горныхъ
уступовъ,
Чтобъ съ голой вершины спуститься
къ нему.
Я мучился долго сомнѣніемъ тяжкимъ.
И мнилъ я, что Богомъ намъ все
суждено,
Что мы искупаемъ нашъ грѣхъ передъ
Сашей,
Я—тѣмъ, что любить не могу я васъ
больше,
Что въ сердцѣ осталось одно угры-
зенье,
Одно лишь сознанье постыдной вины;
А вы—тѣмъ, что любите все еще
пылко,
Не видя отвѣта себѣ на любовь.

И я васъ жалѣлъ, и я плакалъ надъ вами,
Страданьемъ двойнымъ искупая свой грѣхъ.
Теперь же, когда не съ слезами,—съ угрозой,
Врагомъ безрасуднымъ явились вы мнѣ,
Теперь во мнѣ нѣтъ ужъ для васъ состраданья,
И буду себя защищать я отъ васъ.
Прощайте!

Анна. Останься. Не все я сказала;
Съ тобой откровенной всегда я была
И буду теперь. Мнѣ довольно обмановъ,
Довольно мнѣ тайны на сердцѣ одной;
Хитрить не хочу; не хочу я коварства...
Я Сашѣ и Надѣ всю правду скажу;
Судьею я ихъ надъ собою поставлю,
Тебя я на судъ ихъ отдамъ. Пусть они

По совѣсти чистой рѣшаютъ. Посмотримъ,
Найдутъ ли они, что ты грѣхъ искупилъ свой,
Что былъ ты свободенъ, что нѣтъ на тебѣ
Слѣдовъ отъ цѣпей,—и цѣпей не осталось.
Посмотримъ, захочетъ ли Надя тебѣ
Тогда протянуть свою вѣрную руку,
И чистое сердце на-вѣки отдать!?

Владиміръ *(со взрывомъ негодованія).*

Да ты не съ ума ли сошла!? Ты не можешь,
Ты Надѣ не можешь о томъ говорить;
Ты права на то не имѣешь.

(Тише и мягче).

Мы слова
Другъ другу, положимъ, не дали скрывать
Того, что межъ нами случилось; но это
Священная тайна; любовь налагаетъ
Молчанья печать на того, кто любилъ;

Не даромъ глубоко на сердцѣ скрывается
Она своїй алтарь; и его осквернить
Не то же-ль, что храмъ осквернить и низвергнуть
Въ минуту невѣрья свое божество?
Потомъ, осквернивши святыню, предъ нею
Стоишь одинокій, и нѣтъ въ тебѣ вѣры,
Нѣтъ силы склониться предъ богомъ, который
Тобой былъ низверженъ, тобой осквернен.
Любовь,—это чувство высокое; чудной
На насъ благодатью нисходитъ оно;
Оно намъ блаженство даетъ и страданье,
Какъ все, что отъ Бога намъ свыше дано;
И нѣгой ея увлекаться мы можемъ,
И голову гнуть предъ страданьемъ должны,
Но этою страстью для цѣли жестокой

Для мести, для дикой борьбы облачаться,
И тѣмъ, что для жизни дано, убивать?!
Нѣтъ этого, Анна, нельзя; ты подумай!
Вѣдь если-бъ тутъ дѣло касалось меня,
Меня одного, ну, тогда-бъ подчинился
Тебѣ я охотно; *(съ разстановкой)* хотя
я не знаю,
Что могъ бы я сдѣлать, когда не умѣю
Любить, разъ не любитъ ужъ сердце;
но, Анна!
Надежда ничѣмъ предъ тобой не виновна,
Вѣдь ей тоже счастье должно быть
дано,
Она тоже право имѣетъ на грезы,
На свѣтлыя грезы горячей любви;
И если на небѣ твоемъ разразилась
Свирѣпая буря, сорвала цвѣты,
Деревья снесла, затопила поля,
Посѣвы сгубила; зачѣмъ этой бурей
Чужой небосклонъ безъ нужды омрачать?

И такъ вѣдь у всякаго горя не мало;
Ужель тебѣ, Анна, не больно своимъ
Чужія мечты отравить, насладиться
Не давъ краткимъ часомъ волшебнаго сна?

Анна. Быть-можетъ, лишь правду одну говоришь ты,
И правъ ты, быть-можетъ, но знаешь ли ты,
Что правды холодной чуждается сердце,
И разуму страсть уступить не умѣетъ;
Въ рѣчахъ же твоихъ только разумъ царитъ:
Не слышится сердцу въ нихъ голосъ страданья,
Не слышится сердцу въ нихъ голосъ тоски,
Тоски безпредѣльной, глубокой, жестокой.
Нѣтъ! ты не страдалъ. И легко тебѣ— гордо
Стоять за смиренье, за жертву собой.
Я тоже хотѣла отречься, и въ жертву
Себя принести и тебѣ и Надеждѣ,

И думалось мнѣ, что я счастлива буду
Своимъ отреченьемъ: вѣдь счастья
и въ жертвѣ
Мы ищемъ; она насъ манитъ не тер-
заньемъ,—
Манитъ она насъ тѣмъ блаженствомъ,
которымъ
Даритъ насъ сознаніе добраго дѣла,
Великаго, труднаго дѣла, которымъ
Мы долгъ совершили, иль больше,
чѣмъ долгъ...
И я не могла; я слаба была духомъ;
Себя человѣкомъ безсильнымъ предъ
страстью
Своей сознаю я. Тебя не хочу
Отдать никому. Ты жениться не дол-
женъ.

(Мягко и медленно).

Ты, можетъ-быть, вѣдь и не любишь
ея,—
И, можетъ-быть, даже ей кажется
только,
Что страстью къ тебѣ она нѣжной
полна.

Владиміръ (*страстно и гнѣвно*).

А я говорю тебѣ, я утверждаю,
Что только Надежду одну я люблю,
Что ею одною любимъ горячо я.
Она только любитъ меня; ты — не любишь;
И я сомнѣваюсь, любилъ ли тебя.

Анна. Что? Что ты сказалъ мнѣ? (*Горько*).
Меня ты не любишь?
Меня не любилъ ты совсѣмъ, и теперь
Тебя не люблю я!?

(*Надежда входитъ*).

Сцена V.

Надежда. Анна. Владиміръ.

Анна. Послушай, Надежда,
Я дольше скрывать ничего не хочу.
Владиміръ со мной былъ въ связи; мы любили,
Мы любимъ другъ друга, и вотъ ты пришла,

Его увлекла ты мгновенною, страстной
Любовью, — нѣтъ! это совсѣмъ не любовь,
А вспышка короткая чувственной страсти...
Жениться не можетъ онъ; ты—не должна.

АКТЪ ТРЕТІЙ.

Сцена I.

(У Надежды).

Александръ. Надежда.

Александръ. Напротивъ! Владиміру руку отдайте
Вы смѣло свою; передъ вами онъ честенъ
Все время былъ; правду одну говорилъ онъ;
Онъ всѣмъ одну правду всегда говорилъ;
Лишь разъ покривилъ онъ душой: предо мною!
Но кара тотчасъ же постигла его;
Постигла его въ той любви, для которой

Меня обманулъ онъ, себѣ измѣнивъ.
Я васъ удивляю; вы ждали иного:
Мнѣ нужно-бъ съ женой развестись,
и съ Володей
Стрѣляться, и тѣмъ свою честь за-
щитить.
Но это такъ глупо, безцѣльно и пошло:
Былого ничѣмъ не вернуть; что ушло
Того ужъ не будетъ; похожее только
Въ грядущемъ мы можемъ увидѣть
опять.
Жену я простилъ, и Володю прощаю;
Гдѣ Богъ наказалъ, тамъ наказывать
люди
Уже не должны; а ихъ Богъ наказалъ.
Надежда. Но васъ онъ за что же ка-
раетъ?—Я вижу,
Что больно вамъ тоже; насилу таите
Свое вы страданье въ себѣ.
Александръ. Да, мнѣ больно;
Не то только больно, что другомъ об-
манутъ:
Ошибка со всякимъ бываетъ, и камня
Я первый въ него бы не бросилъ; не то

Мнѣ больно, что Анна, невѣрная долгу,
Измѣной меня оскорбила, а то,
Что я нелюбимъ, что она промѣняла
Мою къ ней горячую страсть на чужую
Минутную прихоть, на призракъ любви;
Она его любитъ, и это мнѣ больно...
Надежда! Владиміру будьте женой,
Возьмите его; вы вернете мнѣ Анну.
(Пауза).

Сцена II.

Владиміръ. Надежда. Александръ.

Владиміръ *(медленно входитъ).*
Пришелъ я вернуть вамъ мнѣ данное слово.
Надѣюсь, не зломъ вы однимъ обо мнѣ
Лишь будете помнить. Предъ вами, я знаю,
Теперь виноватъ я; теперь я лишь понялъ,

Что не былъ свободенъ, хотя только
правду,
Святую лишь правду я вамъ говорилъ.
Но я не считался съ другими; вни-
малъ я
Лишь голосу сердца и страсти своей;
Я понялъ теперь, что намъ нужно
считаться
Со страстью чужою. Простите! Свободы
Своей я теперь не имѣю; пока
Мнѣ Анна не скажетъ, что сердцемъ
трево́жнымъ
Она охладѣла ко мнѣ, я обязанъ
Тяжелыя цѣпи неволи нести...
(Къ Александру). Прости меня, Саша! Раз-
рушилъ я счастье
Твое, и теперь я не въ силахъ по-
править
Того, что я сдѣлалъ тогда; я готовъ,
Коль Анна захочетъ, и ты на разводъ
Согласенъ съ ней будешь, жениться
на ней.
Александръ. Коль Анна захочетъ, и
буду согласенъ

Ей дать я разводъ? Если Анна за-
хочетъ,
Я буду согласенъ и дамъ ей разводъ.
(Тихо). Вѣдь я не умѣю навязывать
чувства
Другимъ своего, и заставить другого
Моей подчиниться любви—не хочу.
И буду съ разбитымъ я сердцемъ,
истерзанъ,
Послѣдніе дни доживать въ темнотѣ,
Безъ свѣта, манящаго къ жизни
надеждой,
Безъ призрака счастья въ грядущемъ;
уныло
Все будетъ кругомъ, и все будетъ во
мнѣ.
Дай руку, Владиміръ! тебѣ тоже горе,
Тяжелое горе нести суждено;
Обоихъ насъ Анна терзаетъ любовью:
Тебя—тѣмъ, что любитъ, меня—не
любя.
Но я ей прощаю, Володя; вѣдь счастья
И ей не найти на землѣ; не съ тобой
Ей счастья найти, не съ тобою; я знаю,

Ты будешь къ ней нѣженъ, и ласковъ всегда,
Ты сердце свое, ты всецѣло ей въ жертву
Себя принесешь, ты измучишь себя,
Но ей все же счастья не дашь ты, Володя!
Не дашь оттого, что не любишь ея.

Сцена III.

(Анна тихо входитъ и, незамѣченная, останавливается у дверей).

Владиміръ. Надежда. Анна. Александръ.

Владиміръ. Я счастье ей дать постараюсь; пусть будетъ
За насъ хоть она наслаждаться имъ въ жизни;
Своимъ я пожертвовалъ ей.

Надежда *(съ горькимъ упрекомъ)*.
Только что-то
Легко очень жертва дается вамъ; только

Ужъ очень легко вы миритесь съ
судьбой,
Совсѣмъ не считаясь съ чужою лю-
бовью
И съ сердцемъ чужимъ; и гляжу я
на васъ
Въ глубокомъ сомнѣньи, съ вопро-
сомъ невольнымъ,
Съ вопросомъ тяжелымъ въ душѣ;
у меня
Достаточно силы чтобъ тоже отречься
И въ жертву себя для другихъ при-
нести,
И даже любовь заглушить свою въ
сердцѣ;
Но только не такъ я спокойно рѣшенье
Такое принять и исполнить могу;
Мнѣ много борьбы предстоитъ, много
горя,
И даже, когда я рѣшуся, порой,
Такъ жалко мнѣ будетъ того, что
теряю,
Что я, на мгновенье колебляся, буду
Опоры искать внѣ себя, и глубоко

Я буду страдать, и страдать изъ-за
васъ,
За ваши терзанія, мучаясь вдвое.
И къ вамъ не холодной пришла-бъ
я сказать,
Что я вамъ свободу отдать собираюсь,
Что долгъ свой исполнить теперь я
хочу,
Что жертвую я для другой своимъ
счастьемъ.
Я думала-бъ прежде о томъ, что и
вашей
Я жертвую свѣтлой мечтой для себя.
Нѣтъ! Я-бы пришла къ вамъ съ лю-
бовію нѣжной,
Съ слезами любви на очахъ и съ
рѣчами,
Гдѣ-бъ слышалась нѣга заманчивыхъ
грезъ,
И было-бъ прощанье—прощаньемъ
влюбленныхъ,
И въ сердцѣ осталась бы память о немъ
Живымъ утѣшеньемъ въ тяжелое вре-
мя,

Въ часы, когда сердце терзаетъ печаль.
Напрасно вы мните своимъ отреченьемъ,
Въ сознаніи долга себя успокоить
И миръ отъ душевныхъ тревогъ получить.
Вамъ силы не дастъ для борьбы постоянной
Ни сердце, гдѣ кровь незамѣтно сочится
Изъ сотни невидимыхъ ранъ, гдѣ разбито
Все то, чѣмъ жило оно прежде; ни разумъ,
Который лишь смотритъ на жизнь— не живетъ;
И силы не дастъ вамъ сознаніе долга,
Сознаніе жертвы великой и трудной,
И даже побѣды надъ страстью своей.—
Какъ мощный судья, наша совѣсть насъ судитъ,
И путь намъ указывать можетъ она,

Но силы для жизни намъ дать не умѣетъ
Дать чувства, дать страсти не можетъ она.
И только тогда мы въ сознаніи правды
Сильны для борьбы и побѣды другой,
Когда обновить свое сердце мы можемъ,
Хоть призракомъ грезы, хоть грезой былой.

Владиміръ. Надежда! Я васъ обожаю, какъ прежде;
Прощанье мнѣ больно и если такимъ
Холоднымъ пришелъ я, то это лишь въ мысли,
Что вы ужъ не любите больше меня;
И мнѣ эта мысль нестерпима; любовью
Я новой какою-то васъ полюбилъ;
Для васъ измѣнилъ я давнишнимъ стремленьямъ;
Готовъ былъ отдаться я вамъ навсегда,
И цѣпи, которыя я ненавидѣлъ
Всю жизнь, я теперь ихъ просилъ для себя.

И былъ я такъ счастливъ; любовію ва-
шей,
Казалося мнѣ, что я былъ обновленъ!
И вдругъ предо мной поднялося былое
И, мощнымъ объятьемъ схвативши
меня,
Связало, какъ вяжетъ привыкшаго
къ волѣ
Могучаго тигра искусный ловецъ.
Я многое понялъ теперь; вѣдь стра-
данье
Средь мыслей и чувства сверкаетъ
огнемъ
И все освѣщаетъ глубоко, глубоко.
Я понялъ, что страсть—это жертва,
которой
Мы служимъ тому, кого сердце из-
брало,
Кому оно хочетъ служить; и когда
Обрядъ совершенъ и заколота жертва.
Другую нельзя среди крови горя-
чей,
Останковъ отъ прежней тотчасъ при-
нести:

Сначала очистить намъ жертвенникъ
нужно,
Потомъ уже съ жертвоїй другою
прійти.
Недаромъ Христосъ намъ сказалъ:
если въ сердцѣ
Своемъ недовольство на брата хра-
нишь,
Иль знаешь, что братъ недоволенъ
тобою,
Оставь свою жертву, пойди, поми-
рися,
И только потомъ соверши свой обрядъ.
Хотѣлъ я отречься; добиться про-
щенья
Отъ Анны, и ваше потомъ полу-
чить...
Но вы меня любите. Ты меня лю-
бишь!
Съ собою тебя обреку я на горе,
Съ собою тебя на мученье возьму?
Нѣтъ! Этого я не хочу. Я не знаю;
Не видно пути мнѣ теперь. О, какъ
трудно,

Съ дороги разъ сбившись, вернуться назадъ!
Что долженъ я дѣлать? *(Анна выходитъ впередъ).*

Анна. Любить, какъ любимъ ты:
Не можешь ты счастія Нади разрушить;
И если на небѣ твоемъ разразилась
Свирѣпая буря, сорвала цвѣты,
Низвергла деревья, поля затопила,
Всю жатву сгубила; зачѣмъ этой бурей
Чужой небосклонъ безъ нужды омрачать?
Теперь поняла я. Послушай, Владиміръ!
Ты такъ-же виновенъ, какъ я виновата:
Намъ нужно обоимъ вину искупить,
И оба ее искупили-бъ мы вмѣстѣ,
Несли бы мы цѣпи тяжелыя, низко
Склонившись подъ бременемъ ихъ до земли;
Но ты искупленъ и очищенъ любовью,
Которою чистое женское сердце

Тебя подарило. Мнѣ-жъ нужно смириться!
Одной только мнѣ искупленія нѣтъ,
Александръ. Приди ко мнѣ, Анна. Тебя подъ защиту
Свою я беру отъ мученій твоихъ;
Тебя я люблю горячѣй, чѣмъ любилъ я,
Нѣжнѣй еще: точно ребенка, который
Терзаетъ тебя безсознательной рѣчью.
Любовь все прощаетъ; очистить все можетъ,
Покрыть все умѣетъ. А я такъ люблю!..
Анна. Ты сердце мое успокоишь; ты добрый;
Простилъ ты; вины не прощу я своей,
Пока ты не будешь вновь счастливъ и свѣтелъ,
Моею любовью хранимый, какъ нынѣ
Своею меня ты любовью хранишь.
И это не жертва, нѣтъ! сладко мнѣ будетъ

Тебя окружать всею нѣжностью дивной,
Которою женское сердце богато.
(Владиміру и Надѣ). Любите другъ друга.
Теперь я за Надю
Свою не боюся. Испытанный горько,
Владиміръ инымъ сталъ; онъ тоже прозрѣлъ;
Онъ понялъ, что жизнь намъ дается не просто,
Не съ тѣмъ, чтобы каждый лишь жилъ для себя
Отдѣльной, отъ всѣхъ независимой жизнью;
Онъ понялъ, что мы и чужою живемъ,
И радость и горе чужія мы дѣлимъ,
И нѣтъ между нашей и жизнью чужою
Замѣтныхъ и точныхъ границъ никогда.
Владиміръ *(съ быстрымъ движеніемъ къ Аннѣ).*
Прости меня, Анна!

Анна *(съ удареніемъ Владиміру)*. Былое забыто...

На то намъ грядущее небомъ дано,
Чтобъ старыхъ ошибокъ мы тамъ избѣжали
И опытомъ прежнимъ хранили себя.

DING CO.
Г 53 005 А I АОИ 6147
MARK

PG 3470 .R2 .V4 1901 C.1
Veesnnie kiluchi
Stanford University Libraries
3 6105 037 238 545

PG
3470
.R2.V4
1901

DATE DUE

AUG 3 1 1985

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
STANFORD, CALIFORNIA
94305